

НЕХОРОШАЯ КВАРТИРА

ГАЛИНА ШЕСТАКОВА

16+

Галина Шестакова
Нехорошая квартира

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шестакова Г.

Нехорошая квартира / Г. Шестакова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-04776-1

Что будет если после развода переехать в нехорошую квартиру? А если при этом еще быть слишком любопытной? Будет – все что угодно. Подземелья, встреча с богами и потеря своего имени. Путешествие, не слишком желанное, но очень увлекательное. Где можно точно ожидать приключения, принесения тебя в жертву, встречу с мамонтами и легендарным народом сиртью (сихиртю). Можно поприсутствовать на своей смерти и организовать своими силами свое воскрешение. А еще? Еще стать чуточку бессмертной. Обложка для книги создана дочерью автора, которая разрешает использование изображений на безвозмездной основе

ISBN 978-5-532-04776-1

© Шестакова Г., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Квартира	5
Крыс	7
Подвал	9
Полоз	12
Владения	15
Стикс	17
Подарок богов	19
Подземелья	22
Лихие люди	24
Правила безопасности	27
Не утерпела	29
Узаконенный бес	32
Иду с навигатором	34
Богиня Стикс	36
Побег Случайной	40
Путь	43
Встреча	46
Саша	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Квартира

Зимой после развода, я переехала на съёмную квартиру на улице Окулова. Это был пятиэтажный дом прямо напротив старого винзавода. В народе такие дома называют «хрущёвки». В подъезде всегда парило, пахло влажной штукатуркой и сырým подвалом. Ступеньки, со временем истёрлись. Даже бетон не вечен.

Вещей за время брака нажила я немного – два чемодана и сумка. Это включая книги и зимние вещи. Поэтому две комнаты было излишеством. Маленькая комната, которая по расположению должна быть спальней, пустовала. Кровати не было. В углу комнаты стоял старинный стул, с облезшим лаком и засохшая фиалка на окне.

Все мои пожитки уместились в большой комнате, совмещённой с кухней. Там стоял круглый, колченогий стол, диван и буфет. Но ремонт, в квартире был почти европейский. С претензией.

При осмотре квартиры меня больше всего порадовала ванная комната. Обычно в хрущёвках это малюсенькое помещение, никаких излишеств вроде стиральной машины, туда не поместиться. А эта – громадная, совмещённая ванная, вся в розоватой плитке. Хорошая сантехника, зеркало в рост человека на стене. «Хочешь, танцуй, хочешь гостей принимай», как говорила моя бабуля.

– Только вот стиралки нет. – Сказала девушка-риэлтер. – Но, если решите свою поставить, вон слив сделан. – Она показала на чёрную дыру, в розовом фартуке ванны.

Роскошная ванная комната решила вопрос. Я искала квартиру подешевле, да и однокомнатной вполне бы хватило, но всё что мне предлагали – было серым и грязным.

В этот же вечер я перевезла свои пожитки в квартиру. Вымыла пол, заглянула с тряпкой в буфет. Скрипучая дверца, с вырезанными на ней фруктами, выпустила в комнату забытый и любимый запах бабушкиной стряпни. В комнате запахло ванилью, и квартира сразу ожила. В таком буфете должна жить красивая антикварная посуда, столовое серебро и льняные салфетки с вышитой шелком монограммой. Ничего такого у меня не было. Была любимая китайская пиала, костяного фарфора, из которой я пила чай. Я поставила её на полочку, а все остальные полки буфета заняла книгами. Вот разживусь и куплю себе красивой посуды для своего буфета. Я погладила вырезанные фрукты, и хмыкнула: «своего буфета». Вот так я решила, что эта квартира должна стать моей.

Перед сном надо очиститься – смыть с себя волнения и горести прошедшего дня. Поставив табуретку, крючка для одежды, почему-то дизайнеры не предусмотрели, я сложила на неё джинсы и майку и забралась в ванну. Горячий душ, насколько выдерживает кожа, чтобы не обвариться и не покрыться волдырями – самое прекрасное успокоительное для меня. Пока я поливала себя почти кипятком и напевала под нос колыбельную из «Порги и Бесс» я была совершенно счастлива. С неохотой, закрыв воду, я поставила ногу на пол, и тут же с криком, залезла обратно в ванну. Лихорадочно соображая, где бы взять что-то потяжелее, желательно молоток. Но кроме шампуня и куска мыла, в ванной ничего не было тяжёлого.

Высунув морду из сливного отверстия для стиральной машины на меня смотрела большая крыса. Смотрела очень внимательно, шевелила усиками и совершенно меня не боялась. Послушав мои истеричные крики, и удостоверившись, что опасности я не представляю, крыса спокойно вылезла из трубы и пошагала из ванной в комнату. Это было слишком! Крыса в моей квартире! Как я буду спать? Я засну, а она залезет на диван, со своими грязными лапками и будет меня так же, как сейчас рассматривать?

Я выскочила из ванной, по пути пытаюсь схватить хоть что-нибудь. Но ничего тяжёлого я ещё не завела. Я не ожидала, что мне придётся обороняться от кого-то. Книги швырять было жалко, посуду – тоже. Разозлившись, я кинула вслед уходящей крысе тапок. Не попала. Крыса

остановилась, повернулась и посмотрела на меня осуждающе, тяжело вздохнула и пошла в маленькую, пустую комнату. Я плотно закрыла дверь в комнату. Попалась!

Я воинственно упёрла руки в бока и посмотрела в окно. За окном стояла старушка и так же, как крыса осуждающе на меня смотрела. Издержки первого этажа. Шторы заведу себе завтра, сегодня занавешу простыней от слишком любопытных соседей. Натянув джинсы и майку, я пошла разбираться с крысой. Её в комнате не было. Куда могла деться крыса из закрытой комнаты? За стулом и фиалкой, спрятаться она не могла, но я проверила. Окно закрыто. Я ещё раз огляделась, пустая комната, крысы нет. Ладно. Я закрыла плотно дверь, подпёрла, для надёжности её чемоданом и стулом. Проверю утром. Ночью, долго не могла заснуть, истерично хваталась за телефон и светила наугад в разные стороны, пытаюсь застать крысу врасплох. Крысы не было. Я заснула уже под утро, и в эти несколько часов сна, мне, как и ожидалось, снились гигантские крысы.

Как только открылись магазины, я купила большой молоток и шторы. Уже подходя к подъезду своего дома, я увидела вчерашнюю бабушку, которая, вместе с подружкой, осуждающе на меня смотрели.

– Здравсти... – я тихо поздоровалась и попыталась улыбнуться.

Но бабушки мне не ответили. Давешняя, тихо прошипела:

– Срам-то, какой!

И обе покивали головами, словно китайские болванчики, поджав бескровные губы. Я развернулась и решила проверить, каким образом бабка вчера подглядывала. Мне стало интересно, как старуха умудрилась пройти по сугробам, которые, как я видела из квартиры, были у меня под окнами. Под осуждающими взглядами старушек я завернула за угол дома и увидела снежную целину под окнами всего дома, и тоненькую тропиночку – проторённую ровно до моего окна.

Ругая себя, что не занесла тяжёлые шторы и молоток домой, я, постоянно проваливаясь в снег, дошла до окон своей квартиры. Здесь была вытоптана небольшая площадка, что бы было удобно смотреть в окно. Вся квартира была как на ладони, особенно вечером, когда нет штор и включён свет. Бесплатный кинотеатр для одного зрителя. Пока шла обратно придумывала для старухи казни египетские: залью ночью всю тропку водой – пусть ноги переломает. Потом, остыв, подумала и решила, что будет удобно падать в снег, а ходить подсматривать не очень. Ладно, уж, совсем успокоившись решила я – пусть не ломает ноги. Может одна живёт, может скучно ей до зевоты, и телевизора нет. А ноги переломает, дома сидеть будет, совсем двинется разумом. Может, конечно, и двигаться ей нечем, разума нет вовсе, раз подглядывает, да ладно. Кто знает, что меня ждёт в таком возрасте? Нет, только не это – подсматривать, подслушивать. Вышла из-за дома, посмотрела строго на старуху:

– Срам-то, какой, подсматривать, бабушка, – решила укорить её.

– Срам! Срам – это квартира твоя! – бабка несколько не смутилась. – Жильцы меняются каждую неделю! Не квартира, а содом и гоморра!

– Я-то, тут при чём? – я пожала плечами. – Я девушка порядочная, надолго приехала.

– И ты уедешь! Нечистая квартира эта! Уж и попа сюда звали. И гадалку водили, всё одно, бегут все. И ты сбежишь!

Бабка плюнула мне под ноги, и презрительно скривила губы. Я вздохнула и пошла домой. Квартира мне нравилась и совсем не походила на проклятую. Крысу я изведу, а все остальное меня ничуть не пугает. Вечером я повесила шторы на окна, задёрнула, и вышла проверить – что теперь можно увидеть в моих окнах. Плотные темно-коричневые шторы не пропускали света. Да, затоскует теперь бабка. Надо бы лопату завести и засыпать тропинку снегом, что б совсем не повадно стало шастать под чужими окнами.

Крыс

Слив, под ванной я туго забила мокрыми газетами, и села успокоено пить чай. Теперь ни бабка, ни крыса мне не грозила. На сегодня все дела переделаны, и я устроилась у круглого стола с книгой. В квартире было тихо, пахло ванилью из буфета, я читала и пила чай.

Вдруг в ванной комнате, что-то упало с глухим стуком, оттуда вышла крыса, остановилась и недовольно посмотрела на меня. Как мне показалось, крыса тяжело вздохнула и пошла в маленькую комнату. Пока я вскакивала, и судорожно искала молоток, крыса зашла в комнату и пропала. Я опять проверила, не спряталась ли она за фиалку и стул. Там её не было. Куда девалась крыса в совершенно пустой комнате? Может это галлюцинация? От такого неожиданного вывода о самой себе я плюхнулась на стул, промахнулась и упала на пол.

Встала, ругнулась и вновь повторила вчерашние действия – плотно закрыла дверь в комнату, подпёрла её чемоданом, стулом и для надёжности сверху положила бесполезный молоток. Ни гвоздей, ни досок у меня не водилось. Ночью я просмотрела всевозможные страшные сны про крыс и утром встала измученная, не выспавшаяся и с синяками под глазами. Нехорошая квартира.

Едва дождавшись открытия магазинов, я пошла и купила гвозди и доски. С выбором досок я намучилась. Сначала я выбрала самую толстую, подумала и решила, что сил приколотить такую орясину у меня не хватит.

– Вам помочь? – пристал ко мне навязчиво-любезный продавец. – Вам брусок для чего нужен?

– Приколотить, – хмуро ответила я.

Ну не объяснять же, в самом деле, про крысу?

– А куда? – улыбался продавец, и всячески проявлял любезность.

– Куда надо, – тяжело вздохнула я.

– Вы что-то строите? Дом? Или мебель? Для чего вам нужен такой брусок? Сто на сто, это серьёзный размер! – сочился любезностью мужчина. – Возможно, вам подойдёт размер поменьше?

– Доска. Мне нужна доска. И я выберу сама! – строго сказала я. – Мне надо подумать.

– Конечно, – он взял меня под локоть, – я вас провожу, к стенду, где доски. А какая вам нужна доска? Берёза? Сосна?

Тяжело с такими продавцами. Я выбрала две доски в палец толщиной разных пород. И гвозди. Весь выходной занималась варварским заколачиванием двери в маленькую комнату. В принципе, она мне не нужна.

Вечером, сидя с книгой у круглого стола, я не читала, а напряжённо ждала крысу. Может быть, это действительно галлюцинация? Тогда она просто пройдёт сквозь заколоченную стену, и я буду знать, что у меня проблемы посерьёзнее, чем просто крыса в доме.

В ванной комнате опять глухо упали мокрые газеты из трубы для слива, и через некоторое время вышла крыса. Она дошла до двери, увидела, что дверь крест на крест заколочена и села. Тяжело вздохнула и повернулась ко мне:

– По-человечески тебя прошу – открой дверь, – сказала крыса надломленным старческим голосом.

Я почему-то сказала «хорошо», взяла молоток и начала отдиравать доски. Провозилась полчаса под бдительным взглядом крысы. Отодрала доски, оставив на стене безобразные рваные дыры.

Крыса, ещё раз вздохнув, встала и пошла. Я подумала, что это уже пожилая крыса, проводила её взглядом и заметила, место в середине комнаты, где крыса пропала. Она просто растворилась в воздухе. Я села на диван и задумалась. Если крыса не смогла пройти через

заколоченную дверь, это значит она настоящая. Не галлюцинация. А то, что крыса смогла раствориться в воздухе? Это значит, что она галлюцинация?

Подвал

Надо решить этот вопрос раз и навсегда. Я решительно направилась в комнату. Постояла над местом, где пропала крыса, пощупала. Под линолеумом пол был неровным. Там явно, что-то спрятано. Я ещё раз внимательно осмотрела комнату. Странно, но после ремонта линолеум не был закреплён по периметру. Я потянула за угол и осторожно завернула его. В полу был люк. Я попыталась открыть его, но ни ручки, ни чего, за что можно было бы поднять крышку, не было. С этой квартирой я скоро обзаведусь полным набором инструментов. Нужно что-то, чем подковырнуть тяжёлую крышку. У меня есть только небольшой нож. Я принесла его и попыталась просунуть в щель между крышкой и полом. Бесполезно. От досады я стукнула кулаком по крышке. Она тихо поднялась. Нож с глухим стуком упал в люк. Я наклонилась рассмотреть, что там, внизу. Там было темно и пахло мокрой штукатуркой. Я вздохнула и пошла за телефоном. Надо купить ещё и фонарик. Включив на телефоне режим фонаря, я нагнулась над люком и посветила вниз, комната внизу не уступала размерами комнате сверху. Она была выложена камнем и вызывала стойкие ассоциации с подвалом старинного замка. От пола вниз уходила деревянная лесенка, довольно шаткая на вид. А внизу плескалась тёмная, почти чёрная маслянистая вода. И всё это было у меня в квартире, в обычной хрущёвке.

То, что крыса попала в подвал, я не сомневалась, но как она туда попала, не понимая крышку и не закатывая линолеум? В это время, ко мне в квартиру позвонили. От неожиданности я дёрнулась, стукнулась локтем о край крышки, и телефон упал вниз. Но упал он без характерного всплеска, а с глухим стуком, словно на ковер.

Я, проклиная всех желающих меня увидеть, в столь не подходящее время, вздохнула и полезла вниз. Раз не было всплеска, вполне возможно, что это очередная моя галлюцинация и телефон лежит просто на полу, и возможно, даже жив. Правда, свет от включённого фонарика не пробивался сквозь маслянистую воду. Я с опаской спускалась по шершавой лесенке, ожидая соприкосновения с водой. Но вода, словно опускалась всё ниже и ниже, и я, спустившись с последней ступеньки, встала на сухой кирпичный пол. Сразу подвал приобрёл довольно прозаичный вид. Стены стали просто кирпичными, как и пол. Сухой подвал с маленькой отдушиной, выходящей на улицу. Сквозь неё попадало немного света, и холодного воздуха с улицы.

Мой телефон лежал на полу и был вполне жизнеспособен. Я подняла его, запихала в карман джинсов и собралась вылезти из этого странного подвала, и тут я увидела в углу крысу. Она сидела, сложив передние лапки на животе и усмехаясь, смотрела на меня.

– Ползла всё-таки, настырная. Ну, пошли тогда, – сказала крыса, привстала на задних лапках и превратилась в маленького старичка. Белая, кольцами борода до колена, светло-серый зипун и светлые валенки с калошами. Ростом он едва доставал мне до плеча.

Старик кашлянул, ещё раз усмехнувшись, посмотрел на меня, поднял руку, и взял с пустой стены факел. Только что его там не было. Я стояла и изо всех сил держалась за хлипкую занозистую лесенку, чтобы не упасть. Стена, за лестницей растворилась, и старик шагнул во влажную черноту подземного хода.

– Пошли, – ещё раз позвал он меня, таким же надломленным старческим голосом, как давеча просил открыть дверь.

Я кивнула и шагнула в каменный коридор. Наверху настойчиво звонили в дверь.

– А почему крысом-то? – я не утерпела и спросила. – Я боюсь крыс. Неужели приятно быть крысом?

– Так быстрее получается, – усмехнулся старичок. – Я в человеческом-то виде, шагаю небыстро, старый стал.

– А куда шагаете? – после пережитого стресса из меня градом посыпались вопросы.

– На Кудыкину году, – смешком ответил старик. – Идём ужо, не обижу.

Представить, что этот старик может обидеть, было невозможно. Наоборот, хотелось его опекать и помогать переходить через лужи. Хотя сама я шлёпала за ним в тапочках. Не совсем подходящая обувь для прогулок по подземельям. Когда я в очередной луже потеряла тапок, старик остановился, покачал головой:

– Ну, бестолочь, ты! Полезла в подвал в тапках! – он махнул рукой, указывая на жалкое состояние моих ног. Один тапок и два мокрых осклизлых носка. – В сапогах надо ходить, в резиновых, – наставительно сказал он. – И в шерстяных носках. Резину на голые ноги нельзя! Ревматизму заработаешь. Поняла?

Я мотнула головой. Понимай не понимай, а резиновых сапог у меня не было. Он ещё раз махнул рукой в мою сторону, и мне стало удивительно тепло. Я стояла в красных резиновых сапогах. Внутри сапог было всё по правилам – хлопковые носки, а сверху шерстяные. Отвратительно грязные и мокрые носки и один тапок исчезли. А джинсы, до этого мокрые до колена, высохли.

– Вот так-то лучше, – удовлетворённо сказал старик, повернулся и пошёл, не дожидаясь моих благодарностей.

– Хорошо как! – радостно сказала я. – Спасибо!

– И в майке одной, по подвалам неча шастать, – вместо ответа сказал старик. – Ревматизма тебе не шутка.

Я тут же поняла, что уже давно замёрзла, передёрнула от холода плечами, и стала согреваться, под появившейся на мне старинного покроя куртке. Тёплой и толстой, как валенок.

– В фуфайке надо ходить, – проворчал притворно старик. – Тюшей меня зовут.

– Тюшей? – оторопела я. – Есть такое имя?

– Дмитрий значит, – пояснил старик. – Пошли, заждался он.

Больше на мои расспросы старик не отвечал, шаркал впереди. Я шла и пыталась запомнить дорогу. Но это было совершенно бессмысленное занятие. Запомнить все повороты, разветвления было невозможно. По пути встречались разные ходы: почти засыпанные землёй, из старинного красного кирпича, и тёмные каменные – высокие круглые своды, выложенные из больших речных огальшей.

Тюша, медленно, но очень уверенно шаркал впереди меня, не отвлекаясь на созерцание.

– Мы всё ещё в Перми? – почему-то тихо спросила я.

– А где ж ещё? – пожал плечами старик. – Пермь, она большая. И вся изрытая ходами. Все рыли: и церковники, и купцы, и лихие люди. Смотри. – Тюша махнул мне рукой и остановился у одного из отворотов.

Я шагнула за ним в темноту. Огонь факела дрогнул и чуть не погас, так сильно потянуло из темноты сквозняком.

– Тихо ты. – Он поймал меня за руку. – Свалишься. Здесь ограждений нет.

Мы стояли на маленькой площадке. Внизу, в каменных стенах гулко плескалось небольшое озерцо. В середине покачивалась большая лодка с парусом. Точнее, от паруса остались истлевшие лохмотья. Подгнившие борта лодки, пробитая выстрелами мачта – лодка доживала свои последние годы.

– А почему она вся, словно расстреляна?

– Это купеческая лодка, на ней товар с Камы, везли прямо в дом купца. От Камы много ходов подземных нарыто. Кто сухопутные копал, кто такие – водные. По сухопутным товары везли на телегах.

– А стрелял-то кто? – не унималась я.

– Кроме торговых людей, и лихие люди были. Они тоже копали. И нападали, – пожал плечами Тюша.

– И всё это под ногами у нас? – задохнулась я от удивления. – Каждый день, я езжу на работу, а под ногами такое!

- Такое... – проворчал Тюша, – пошли.
- Мы ещё долго плутали, от развилки к развилке.
- Не смотри туда, – вдруг строго сказал Тюша. – И взял меня за руку.
- Куда? – я завертела головой, надеясь увидеть ещё что-то интересное.
- Вот ведь, настырная! – рассердился Тюша. – Пошли. Не чо там смотреть. Злое место.
- Вопрос про то, как место может быть злым, волновал меня сильно. Но Тюша настойчиво тащил меня, и сбавил ход, только минут через пятнадцать. Отпустил руку, и хмыкнул:
- Ну, спрашивай, не то лопнешь.
- Что там было? – осторожно начала я расспрашивать.
- Капище там. Смерть. И зло. Мне не совладать, – он затушил факел. – Ну вот, пришли.
- Куда? – я тихо спросила лишь бы услышать свой голос, испугавшись полной темноты.

Полоз

Слова гулко прозвучали в крошечной тьме. Я как летучая мышь пыталась поймать звук своего голоса. Безуспешно. Но ощущение чего-то большого, нет, просто гигантского и живого появилось. Постепенно тьма, стала рассеиваться и я стала различать, что стоим мы в большой пещере, рядом течёт подземная река. Тёмная, почти чёрная и тягуче-маслянистая. Точнее, казалось, что бежит тяжёлое, густое масло. Отработка. Такое сливают из двигателя машины. Отработанное, чёрное, густое масло. Я смотрела на реку и не могла отвести взгляд. Она была живая! И разумная! Звучит странно, но именно такие чувства вызывала эта река. По обычным размерам река была не очень широкая, метра полтора. Такую и вброд можно перейти. Пока я размышляла над разумностью реки она изменилась, в ней стали появляться золотые искорки, потом они увеличились в размерах и стали похожи на громадные чешуйки или монетки, и от них шёл ровный медовый свет.

Я наклонилась и опустила руку. Вода была тёплой. Она обволакивала и ласкала мои пальцы. Внезапно она загустела и приобрела плотность. Моя ладонь лежала на блестящей и жёсткой чешуе. Иногда, среди чёрных чешуек вспыхивали золотые, словно монетки. Чешуя дрогнула и заскользила у меня под ладонью. Я испугалась и отдернула руку. Река превратилась в громадную змею, такой толщины, что если бы мне пришла в голову бредовая идея обнять её, это вряд ли бы получилось. Змея двигалась в русле реки, и сворачивалась бесконечными толстыми кольцами. Постепенно она заполнила всю пещеру и повернула ко мне свою громадную плоскую морду, приблизив её на расстояние вытянутой руки. Приоткрыла пасть и затрепетала раздвоенным языком, едва не касаясь моего носа. Я старалась не дышать. И если бы могла, то остановила бы сердце, ненадолго. Колени стали подгибаться, и я попыталась упасть в обморок.

– Не бойсь, девка, – Тюша взял меня под локоть. – Не съест он тебя. Он девками не питается.

– Кто это? – еле ворочая пересохшим языком, спросила я.

– Такить это Полоз, – хмыкнул Тюша. – Великий Полоз, рази не слыхала? Ты же в Перми живёшь, знать должна.

– Это сказки, – выдавила я и всё-таки упала в обморок.

Очнулась я оттого, что на меня брызгали водой. Рядом на коленях стоял Тюша, и ласково смотрел на меня.

– Больно впечатлительная ты, – не по-настоящему ворчал он. – Большой, конечно, Полоз, но в обморок то зачем падать. Мокро тут, того и глядишь ревматизму схватишь!

Я села и осмотрелась. Полоза не было, рядом опять текла тёмная маслянистая река.

– Это он? – я ткнула пальцем в направление реки.

– Не, это река, – успокоил меня Тюша.

– Просто река? А мы? Мы ещё в Перми?

– Конечно, – Тюша хмыкнул. – Здесь, по ходам можно год ходить, и всё в Перми будешь.

Точнее, под...

Я села на сухой камень и задумалась. Получается, город есть наверху и город здесь.

– А он обитаемый? – я продолжила свою мысль.

– Город под землёй? – понял меня Тюша, словно услышал мои мысли. – Обитаемый.

– И кто здесь живёт? Купцов сейчас нет, лихих людей тоже поизвели, – стала допытываться я.

– Ну уж, и поизвели, – усмехнулся Тюша. – Никакой власти это не под силу. Здесь другой город, и другие законы. Кто ж сюда сунется-то?

– И кто же живёт в этом городе?

– Да много кто... – ушёл от ответа Тюша. – Вставай давай с камня-то! Ревматизма! – опять он сообщил мне свою любимую болезнь. – Пошли, чаем напою тебя.

Мы прошли вдоль реки, свернули в маленькую пещеру, повернули ещё раз и увидели тяжёлую деревянную дверь. Тюша с наугой дёрнул её, дверь скрипнула и открылась. Мы попали в обычную избу, только без окон. Тюша запалил старинный самовар, ворча про себя:

– Не люблю я это лепестричество... не доверяю.

– Лепестричество? – хихикнула я. – А сколько тебе лет, Тюша?

– Да почитай, годков триста. А, может, и поболее. Кто ж их считает-то?

Он покачал хромовым сапогом в трубу самовара, напустил дыма в комнату, раскашлялся и поставил трубу, которая выводила дым в соседнюю пещеру. Деловито шаркая, достал из пузатого расписного буфета чашки со щербинами, поставил сахарницу с колотым кусковым сахаром, желтоватым и плотным. Вазочку из мутного стекла с вареньем, ложки и маленькие стеклянные блюдечки.

– Варенье земляничное, – гордо сообщил мне. – В розетку набирай, – он ткнул кривоватым артритным пальцем в стеклянное блюдечко, – и лопай, сколь душе угодно.

– В розетку, – повторила я. – Тюша, а семья где твоя?

– Нету, семьи-то. Бобыль я.

– Как это?

– Да так. Меня в солдаты, а невесту мою Варю, помещица замуж выдала и услала в другую деревню.

– Как это? – я опять повторилась от возмущившей меня несправедливости.

– Да так, – в тон мне ответил Тюша. – Я помещице приглянулся, красивый был. Да на што она мне! – пожал плечами Тюша. Без сожаления, так про очень давнишнее говорят. Спокойно. Отгорело уже всё, прошло. – Я Варю-то шибко любил. А когда вернулся в деревню, после двадцати пяти лет государевой службы, Варюша померла уже. Я и ушёл в леса.

– Совсем?

– Совсем. Не мог смотреть-то на барыню. И мои уже все померли. И домишко развалился совсем. Ушёл, землянку выкопал и стал жить, – Тюша ласково посмотрел на меня и налил чаю.

– В землянке? – ужаснулась я, представив себе: зима, вместо потолка мёрзлая земля, ссохшиеся корни, червяки и жужелицы, так и сыплются мне за ворот. И спать, наверное, на земле приходится, и печки нет.

– Ну, печка-то была, – усмехнулся Тюша, словно прочитав мои мысли. – И спал на досках. Ревматизма! – он поднял свой кривой палец.

– Это не шутки! – закончила я, за Тюшу. – А Полоз?

– Что Полоз? Не он обижает людей-то, – пожал плечами Тюша. – Кто к нему бескорыстно, тот обиды от него не имеет.

– Хозяин! – в комнату вошёл моложавый мужчина. – Чаем напоишь? – Густой бас заполнил всё небольшое помещение.

Тюша радостно засуетился, доставая ещё чашку и розетку для гостя. Пододвинул ему сахар.

– Сахарок-то мой любимый! – улыбнулся мужчина в длинную золотистую бороду.

– Берегу те, сахарные головы, ещё Грибушенские, – вздохнул Тюша. – Это не нынешний рафинад!

– Грибушенские? – не поверила я. – Это что, ещё до революции?

– Давнишние, – насупился Тюша. – Сейчас таких, не делают. Ты попробуй! – он положил щипчиками мне на розетку желтоватый осколок сахара. – Ты его за щеку, – наставительно сказал Тюша. – И чаем запивай. вприкуску.

– Тогда уж вприпивку, – я сунула кусок сахара за щеку и удивилась. Действительно, современный рафинад тут же расплылся бы на крупинки, глоток горячего чая и нет его. А так,

конечно, можно чаи гонять по многу стаканов. Я всё удивлялась, когда читала, что чая пили по восемнадцати стаканов.

– Что, помощницу нашёл? – подмигнул мне мужчина.

– Нет, сама на голову свалилась. Теперь ей деваться некуда – будет помогать, – строго сказал Тюша.

А я пила второй стакан чая с грибушенским сахаром и мне было всё равно. Помогать так, помогать, только сахар не отбирайте.

– Ишь чо! – усмехнулся Тюша на мою довольную физиономию. – Швыркает, и ухом не ведёт.

– Вкусно, – я успокоенно вздохнула. – Надо ещё и из блюбочка попробовать, как купчиха, – я совсем вошла во вкус старинных чаепитий.

– Ладно, – мужчина встал и слегка поклонился. – Спасибо, за компанию и угощение. Пойду я.

– Доброй ночи, Евсей Иваныч, – Тюша поклонился мужчине и проводил до двери.

– А чего помогать? – тут же пристала с расспросами я.

– Потом расскажу. Сейчас спать. А утром пойдём по владениям Полоза.

За маленькой дверцей оказалась уютная спальня. Кровать, не кровать, но топчан с мохнатой шубой был. Поначалу жестковато, но тепло и уютно. Тюша хмыкнул, оставил мне огарок свечи и ушёл. Я поворочалась и заснула.

Владения

Проснулась я от брякания посуды и скрипа хромового сапога. Тюша ставил самовар. Сахару мне не дали. Чай пили с бутербродами и вареньем. Потом Тюша выдал мне коротенький тонкий полушубок, строго посмотрел на меня и поднял указательный палец.

– Ревматизма! – я опередила его, назвав любимую болезнь.

Тюша улыбнулся в бороду:

– Ну вот, сама всё знаешь. Перво-наперво организм в тепле надо держать, и сухости. Сырость – это не шутки.

Я, конечно, с ним согласна была, после вчерашних блужданий. Когда холодно и мокро совсем нехорошо. Только чаем и шубой отогрелась. Натянув красные сапоги, вышла из тёплой избы, вслед за Тюшей. В подземельях стало ещё холоднее, чем вчера и промозгло. Я шлёпала по лужам и гадала, куда меня ведёт Тюша.

Иногда мы останавливались, и Тюша голосом заправского экскурсовода рассказывал мне, кому раньше принадлежал подвал. Было такое ощущение, что весь город можно пройти насквозь, по этим подземным ходам. Иногда подвалы напоминали почти жилые помещения. В углах были свалены канистры с водой, одеяла, одежда. Даже попадали помещения с обстановкой – столы, старые стулья, ящики, приспособленные под шкафы.

– А кто тут живёт? – тут же начинала сыпать вопросами я. – А куда они ходят? А что так можно насквозь под всем городом пройти?

Тюша остановился, тяжело вздохнул и начал объяснять:

– Под городом много кто живёт. И люди и нелюди, – он хмыкнул. – С людьми-то всегда договориться можно. А вот с другими жителями сложно бывает.

– Неужели люди по своей воле здесь живут? – я ткнула пальцем в грудь одежды.

– Дык разные обстоятельства. Кто живёт, а кто только приходит сюда. Есть рискованные люди, кому там, – Тюша поднял палец кверху, – скучно. Есть люди лихие, они от закона бегают. Кто ж их тут найдёт? А есть, кому места там, – он опять поднял палец, – места нет. Женщины, дети. Их не трогают. А так, случаются и настоящие войны, между группами.

– Войны?

– Да. А пройти насквозь не все могут. Я могу, потому что все ходы знаю. И которые есть, и которых нет больше.

– А куда делись?

– Куда, куда, – проворчал Тюша. – Не всем наверху эта жизнь нравится. Вот и пытаются её подчинить себе. Найдут ход, при строительстве, или ремонте – сразу засыпают. Это чтобы людишки, не лезли под землю. А всё как на ладони были. Смотри, – Тюша провёл ладонью перед собой, словно протёр запотевшее стекло, – вот здесь рискованные люди.

Мы стояли в высоком старинном подземелье, со сводчатым потолком. Красноватые кирпичи, выложенные крестами, кучи мусора, а в углу два совсем молодых парня, сосредоточенно проверяли снаряжение. Фонарики, верёвки, канистры с водой.

– Серый, а ты камеру взял? – светловолосый парень, сильно нервничал.

– Не ссы... – хохотнул Серый, и картинно сплюнул на пол.

Я задержала дыхание, чтобы нас не увидели, и наклонилась к Тюше, и совсем шёпотом спросила:

– А что, они нас не видят?

– Не видят и не слышат, – ворчливо сказал Тюша. – Люди вообще редко видят, что-то дальше своего носа. Не стоит им сегодня в подземелье лезть.

– Почему?

– Потому, – Тюша, улыбнувшись, посмотрел на меня. – Вот ты, другая. Тебе всё интересно и всё увидеть надо. Поэтому-то ты мне на голову и свалилась. Погодь.

Тюша, недовольно побряхтел, наклонился, как-то сгорбился и вдруг стал большущей белой крысой. Сделал два шага по направлению к пацанам и поскрёб лапой пол.

– Серый! – светловолосый парень в панике уставился на то место, где стоял Тюша. – Крыса! Громадная, белая! Хлеб, хлеб давай!

Серый, трясущимися руками, полез в рюкзак достал полбатона, и швырнул Тюше.

– Всё, сворачиваемся! – приказал Серый, и стал скидывать снаряжение в рюкзак. – Добра не жди. Если Белую Крысу увидели, лучше не ходить. Все диггеры так говорят. Иначе – беда.

Светловолосый вздохнул и сосредоточенно стал помогать Серому. Тюша, развернулся и подошёл ко мне. Недовольно пошевелил усами, разогнулся и стал человеком.

– Стар, я стал, для постоянных перекидываний из человека в крысу. Пошли.

Мы ещё плутали по переходам, подвалы и ходы сменялись от старинных кирпичных до современных бетонных. Тюша уверенно вёл меня.

– Ну вот, почти пришли, – сказал Тюша и остановился.

Мы стояли на берегу подземной речушки, шустро бежавшей между больших камней. Через речку был перекинут шаткий мостик, без перил, доски на вид такие старые, что и встать страшно. На другой стороне на табуретке сидел представительный мужчина в белом парике, в сюртуке из зелёного сукна, в старинных орденах и шелковом галстуке. Но вид у него был несколько потрёпанный, словно он не менял одежду много-много лет. Он сидел, сторбившись, по-бабьи подперев мясистую щеку ладонью, и с тоской смотрел на нас.

– Тоскуешь, Карл Фёдорович?

– Что Тюша, опять пришёл счастья пытаться? – вопросом на вопрос ответил мужчина. – Не велено тебя пускать. Сам знаешь. Иди подбру, поздорову.

– Ты, Модерах, только привратником ныне служишь. Не указ значитя мне.

«Давняя приязнь у них», – подумала я, и шагнула чуть ближе, чтобы рассмотреть Карла Фёдоровича. «Модерах, Модерах» – крутилось в голове, – «что-то знакомое».

– Познакомься, – хмыкнул Тюша, – Пермский губернатор. В его правление образованное и начитанное, – язвительно протянул Тюша, – пермское обчество нарекло сей ручей, отделяющий кладбище от города Стиксом. А он, сие безобразие утвердил! И сейчас он работает здесь Хароном.

– Эх, Тюша, – тяжело вздохнул Карл Фёдорович, – знал бы я...

– Какую гидру впустил? – сердито топнул ногой Тюша.

– Ах... – расстроено махнул на Тюшу Модерах.

– Поди-ка сюда, – строго обратился ко мне Тюша.

Я подошла поближе, и, вытягивая голову, пыталась рассмотреть ордена Модераха, блестящие во тьме бриллиантами.

– Прости меня, девка! – сказал Тюша и толкнул меня в спину.

Стикс

Я, хватаясь руками за воздух, полетела в чёрные воды Стикса.

Погрузившись в воду, я сначала не почувствовала ничего. Но, мгновение спустя, обжигающе-ледянная вода сковала меня, не давая пошевелиться. Внутри себя я изо всех сил старалась барахтаться, чтобы вынырнуть и глотнуть воздуха, но руки и ноги отказывались мне повиноваться.

Я чувствовала себя спелёнутой, беспомощной куклой, которая камнем идёт вниз. Ручей оказался бездонным. Я погружалась всё ниже и ниже, уверенно стремясь к центру земли. Открыв глаза, я удивилась, что изнутри Стикс не кажется чёрным, он был беспечно бело-зефирным. Но невыносимо ледяным. Иногда его зефирность пронизывали тёплые розоватые и серебристо-сероватые струи, словно Гольфстрим северную Атлантику. Мимо проплывали люди, или, точнее, нечто напоминающее людей, они были более плотной белой субстанцией, чем зефирные воды Стикса. Люди с интересом смотрели на меня, подплывая поближе, старались дотронуться до меня, но я этого не ощущала. Самые настойчивые пытались говорить со мной, но я их не слышала.

Внезапно моё падение вниз прекратилось, меня грубо дёрнули за воротник и стали вытаскивать. Обжигающий холод стал невыносим. Казалось, что меня просто разрывает изнутри. Через секунду я лежала мокрая и беспомощная, уткнувшись носом в ветхие доски мостика. Я обречённо закрыла глаза, и решила, что мне теперь всё равно, что будет дальше. Хуже, уже сложно представить. Кто-то ещё подёргал меня за воротник шубейки, с грохотом, и, видимо, очень сердито, бросил на камни нечто железное. Я не знала, на какой я стороне Стикса.

– Злыдень, ты Тюша! – громко выругался над моих ухом Карл Фёдорович. – Злыдень и душегубец! На всё готов за ради своего Полоза! Даже душу безвинную погубить!

– Верни мне девку! – сердито ответил с другого берега Тюша. – Ты же знаешь, для её же блага всё сделано.

– Для её блага? – сорвавшимся голосом спросил Карл Фёдорович. – А ты её спросил? Хочется ей в Стиксовых водах купаться? И как потом жить, опосля этого?

– Не было бы жизни у неё там, – сухо сказал Тюша. – Таких пытливых жизнь быстро ломает. Зачахла бы одна, с книгами своими. Сама в подвал полезла, сама мне на голову свалилась. Сама и судьбу свою выбрала.

– Знаю, я как она сама! – визгливо покричал Карл Фёдорович.

– Так и помрёт она у вас, от холода, пока вы ругаетесь, – сказал кто-то ещё.

– Пожаловал, – недовольно сказал Карл Фёдорович и перевернул меня на спину. – Знает, что нельзя ей ко мне.

Я лежала, безвольно раскинув руки. Мне было всё равно, что со мной делают. Перевернули – и ладно. Но Карл Фёдорович, сердито сопя, стал растирать мне уши. Они загорели и дико заболели.

– Больно, – прошептала я, пытаюсь отмахнуться от жёстких пальцев Карла Фёдоровича.

– Жива! – выдохнул Тюша. – Вертай девку! – тут же потребовал он.

– Злыдень, – тихо, почти с ненавистью прошептал Карл Фёдорович.

Он приподнял мне голову, и осторожно влил мне тёплой жидкости. Нежное, согревающее тепло наполнило меня, я вздохнула, перевернулась набок и попыталась заснуть.

– Что ты там делаешь? – сердито закричал Тюша. – Зачем спиной закрыл? Отвечай Модерах!

Карл Фёдорович, не обращая внимания на крики Тюши, тормозил меня, не давая заснуть.

– Не спи, не спи, милая! Нельзя тебе спать сейчас, не здесь, – он попытался посадить меня. – Давай вставай.

– Спать хочу, – я попыталась устроиться на жёстких камнях.

– Вставай, – мягко, но настойчиво сказал Модерах. – Давай, давай. Дома выспишься.

Я встала, поёжилась, сонно глядя на другой берег, вступила на шаткие досочки мостка. Модерах отпихнул ногой, с дороги багор, которым, видимо, и вытаскивал меня, и, подталкивая в спину, заставил перешагнуть Стикс. Во время перехода через чёрные воды ручья, в моей голове заговорили разом сотни голосов. Я отчаянно затрясла головой, пытаюсь выгнать их. Но как только я перешла через ручей, и была подхвачена под руки Тюшей и давешним гостем в тюшиной избе – Евсеем Ивановичем, все голоса стихли.

– Пойдём домой, – ласково заговорил со мной Тюша. – Поспать надо, после волнений.

Я хотела было рассердиться на Тюшу, но сил не было, так хотелось спать. Подхваченная под руки с обеих сторон Тюшей и Евсеем Ивановичем, я несмело шагнула по камням. Сделав всего два шага от Стикса, мы очутились перед тяжёлой деревянной дверью, в избу Тюши.

– Не до гостей вам сегодня, – раскланялся Евсей Иванович. – Выспаться надо хорошенько.

– Да уж... – Тюша, с надсадой дёрнул дверь. – Прощевайте, Евсей Иваныч.

Быстро стянул с меня сапоги, мокрую одежду, бросив всё это прямо у входа, подталкивая в спину сухими кулачками, затолкал в спальню, уложил на топчан, накрыл тяжёлой шубой и ушёл, плотно прикрыв за собой дверь.

Подарок богов

Утром, проснувшись, я долго лежала на топчане. Во мне что-то изменилось после купания в водах Стикса. Только я не могла понять что. Поэтому я лежала и пыталась прислушаться к себе. Но вместо этого я слышала тихий, очень тихий разговор у самовара Тюши и Евсея Ивановича. Они обсуждали меня и Карла Фёдоровича. Но меня удивило другое, я слышала их, сквозь закрытую тяжёлую дверь, и при этом они говорили шёпотом. Думаю, для того чтобы я этого не слышала.

– Как думаешь, – шептал Евсей Иванович, пытаясь укротить свой бас, – он её из леты напоил?

– Кто ж его, супостата, знает, – ворчливо ответил Тюша. – Сколь раз уж, было так!

Я услышала, как он открывает краник самовара, как льётся кипяток в кружку. Странно. И потом, «из леты напоил», как это? Что такое «леты»? Леты, леты... Лета! Меня пронзила смутная догадка про греческую мифологию. Вместе со Стиксом, в царстве Аида текло ещё несколько рек. Не сказать, чтобы я увлекалась древнегреческими распрями богов, но кое-что помнила. Лета река забвения. Все души, перешедшие через Стикс, пили из Леты, чтобы благополучно забыть все горести своей жизни. Так. Меня просто подбросило на топчане. Я перешла Стикс, и чего-то напилась в бессознательном состоянии! А Тюша и Евсей Иванович опасаются, что меня напоили из Леты. Это значит, что я уже просто душа и уже всё забыла? Фу-фу-фу, я подышала по йоговской успокоительной системе, взяла себя в руки и начала обследование. Так, руки и ноги вполне себе телесны, состоят из кожи, костей и мяса. Причём всё это сильно болит. Может ли у души болеть мясо и кости? Или это уже просто фантомные боли? Спокойно, думаю, душу не стали бы спать укладывать и шубой закрывать. И чего бы им переживать напоили меня чем-то или нет, если я уже, того... душа, и только. Но для надёжности я себя сильно ущипнула, и чуть не закричала от боли. Живая. Уже хорошо.

Осталось малость – выяснить для чего меня спихнули в Стикс, а затем так рьяно требовали назад. Если хотел меня Тюша просто убить, можно было и Полозу скормить, или бросить в пещерах. Я б там потерялась, сошла с ума и умерла. Или прибилась, к пещерным женщинам и детям, их, Тюша сказал, не трогают. Неприкасаемая каста. Хотя мог и соврать.

– Проснётся, проверь, – осторожно звякнул ложечкой Евсей Иванович. – Спасибо, за чай. Пошёл я.

– Так уж, непременно, – вздохнул Тюша, осторожно встал и проводил гостя.

А кстати, кто этот Евсей? Одет, как и Тюша, по-старинному, и выражается также витиевато. И уж больно Тюша к нему почтительно обращается. Только я подумала об этом, в голове, как подсказка в компьютере, всплыл ответ – «Полоз». Я опять подпрыгнула на топчане, от неожиданного ответа – Полоз. Да, да, да, что-то ведь читала я про это, что он мог перекидываться в человека с густой золотистой бородой. И для чего я им так нужна?

«Помощница».

Опять всплыло в голове. Так, интересное у меня дополнение появилось. Это от купания в Стиксе? Или оттого, чем меня напоил Карл Фёдорович? Чем же он меня напоил?

«Мнемозиной»

О, боже ты мой! Это ещё что такое? Болезнь такая?

«Река в Аиде. Когда поэтом овладевают музы, он пьёт из источника знания Мнемозины; это значит, прежде всего, что он прикасается к познанию истоков и начал».

При чём здесь поэт? Я не пишу стихи!

«Кхм, я перепутал, это значит, ты будешь знать всё, что было, всё, что есть, и всё, что будет»

Отлично. А ты кто? Кто разговаривает со мной у меня в голове? Обычно это называется раздвоением личности. И карается психиатрической больницей.

«Я дух всезнания, подарок богов».

– Да, купание в Стиксе, просто так не прошло для меня, – от неожиданного подарка я заговорила слух.

«Конечно, не прошло. Ты стала неуязвима, как Ахилес»

– Ага, – согласилась я. – Только у него были проблемы с пяткой.

– Проснулась? – Тюша осторожно приоткрыл дверь в спальню. – Самовар на столе. Пошли чаёвничать!

– Проснулась, – я убедительно зевнула и потянулась.

Потягиваться было страшно больно. Ощущение, что я не в речке купалась, а вагоны разгружала. На всякий случай, я решила держаться, как и раньше, словно и не было предательского удара в спину от Тюши, купания в Стиксе и причащения Мнемозиной. А там посмотрим.

«Мудрое решение»

– Ну и славно, – Тюша подал мне сухую и чистую одежду. – Одевайся, будем завтракать.

Тюша суетился, подавая на стол всяческие разносолы. Пирог сладкие, пироги с грибами и рыбой. Большущую вазочку наколотого сахара, предупредительно пододвинул ко мне поближе:

– Ешь, сколь душе угодно, – Тюша внимательно смотрел на меня, ожидая моих реакций.

– Вкусно как! – обрадовалась я. На самом деле обрадовалась, голодная была после таких переживаний.

– Ты, вот чего, – Тюша помялся, вздохнул и выпалил, – прости меня, девка. Прости, дурака старого.

– За что? – наигранно удивилась я.

– Не помнишь... – разочарованно протянул Тюша.

– Помню, – сухо ответила я. – Помню. Только вот зачем?

– Не можно без тебя никак! – Тюша сел на стул и тоскливо посмотрел на меня. – Давно тебя ждём, помощь твоя нужна.

– Прям, меня? – хмыкнула я. – Никто другой не подходит, что бы его в Стикс спихивать?

– Понятно, злишься, – нахмурился Тюша. – В полном праве злиться. Я тебе всё расскажу, а ты решай. Так оно правильной будет.

– А сразу, нельзя было? – сердито буркнула я.

– Сразу – сбежала бы, – вздохнул Тюша.

– Ну, может, и не сбежала бы. Я ведь пытливая, сам сказал. И на голову свалилась тебе...

– Сбежала бы, всё равно, – обречённо сказал Тюша. – Знаешь, за что Модерах там сидит привратником?

– За то, что указ подписал, где ручей Стиксом назвали. Не слишком ли жестокая кара, за ручей?

– Нет, – строго сказал Тюша. – Раньше земли все принадлежали Полозу. Он был полномочный хозяин золота на Урале. Ещё и людей не было, а он был. Всегда был.

– Ну и чем ему ручей этот несчастный мешает? – я пожалала плечами.

– Модерах, сам не понимая того, запустил сюда чудовище, первобытный мрак и ужас. Теперь все земли за Стиксом принадлежат Аиду.

– Ну, это просто мифология, греческие сказки... – усмехнулась я, – боги Олимпа, Аид, всё это для Греции хорошо, а у нас...

– Значит, в Полоза ты веришь, а греческих богов нет? – хмыкнул Тюша.

– Полоза я видела. А раньше бы тоже засомневалась. Ну и чем я могу помочь? Кто я – просто девка, как ты меня называешь, и всё. Ни сил у меня нет особенных, ни знаний. Ты вон,

сколько лет живёшь. По подземельям ходишь, сквозь стены, в крысу обращаешься. А я? Я-то ничего такого не умею.

«Теперь умеешь»

Я от неожиданности дёрнулась и внимательно посмотрела на Тюшу, он слышал? Или это всё же у меня в голове?

– Понимаешь, – Тюша внимательно изучал рисунок на столе, – ни я, ни уж тем более Полоз, мы не можем попасть за Стикс. А ты можешь. Ты в Стиксе искупалась, – он пристально посмотрел на меня.

– И жива осталась? – съязвила я.

– Да, – совсем понурился Тюша. – Ты теперь можешь и за Стикс ходить и обратно.

– Зачем мне туда ходить? – прищурилась я.

– Вот в этом-то есть самый главный вопрос, – решительно сказал Тюша, и посмотрел на меня.

Подземелья

После чая мы отправились изучать подземелья. Теперь Тюша, целенаправленно учил меня, как правильно ходить, кого бояться и от кого бежать, а с кем можно договориться. Выслушав его за утренним чаем, я согласилась помочь. Но умолчала, о том, что у меня появилось, после испития Мнемозины. «Подарочек», как я назвала его. Хотя он настаивал на «голосе богов», ну или на «голосе всезнания». Я ещё не совсем поняла, как он действует, и можно ли ему доверять. Время покажет. Проведём испытания в подземельях.

– Так, сейчас будем учиться проходить сквозь стены, – Тюша серьёзно посмотрел на меня.

Мы стояли перед старинной стеной, сложенной крест-накрест из красных кирпичей. Я потрогала её, на всякий случай, стена как стена. Холодная, твёрдая, и точно не проходимая. Ну, для меня, точно.

– Не, боись, девка! – Тюша взял меня за руку и потянул прямо на стенку.

И мы прошли. Немного поскрипело в ушах, словно мы шли через пенопласт, противно, но терпимо. С другой стороны стены оказалась маленькая комнатка, почти заваленная мусором через пролом вверху. Через эту дыру в комнату проникало немного света и воздуха с улицы. Я поёжилась от холода. На полу валялись обломки строительного мусора, дохлые птицы, грызуны.

– А теперь, сама, – скомандовал уверенно Тюша.

– Как это? А рассказать, там... технология прохода сквозь стену. Технику безопасности? – Чтобы ещё придумать, чтобы оттянуть этот момент.

Я была совершенно уверена, что просто стукнусь лбом.

– Зачем? – пожал плечами Тюша. – Ты теперь всё умеешь. Я, что ли, в Стиксе купался? «Правильно говорит. Иди не бойся».

– Купался... – проворчала я, – можно подумать я прямо напрашивалась.

– Напрашивалась, напрашивалась, – утвердительно сказал Тюша. – Нормальная бы, девка, за крысой в подвал не полезла.

Пришлось согласиться. Я вздохнула, попыталась настроиться, и пошла на стену, как таран.

– Мягчее, мягчее иди. Чё, ты её лбом прошибить хочешь? – напутствовал меня Тюша.

Попытавшись, стать «мягчее», я дотронулась рукой до стены. И рука, чувствуя небольшое сопротивление, стала проходить сквозь стену. Осторожно, ступая, и почти не дыша, я вышла с другой стороны подземелья.

– Молодец! – Тюша появился вслед за мной.

– А почему всё засыпано мусором? – я уставилась на кучу строительного мусора.

– Дак ить, как находят ход, – Тюша ткнул пальцев вверх, – так и сыплют. Чтобы, значит, не лезли. Вроде как нет, подземелий. А нет, значит, и проблем нет.

– Лучше бы почистили и экскурсии водили, – выдвинула я предложения по улучшению городского хозяйства.

Тюша хмыкнул и ничего не сказал. До обеда таскал меня по подземельям, и учил ориентироваться, в темноте. На запах, на слух, и на ещё множество каких-то других вещей. Я устала и начала ныть. Кости болели с утра, а сейчас стало совсем плохо. И есть хотелось. Но после странствий под землёй, я всё же открыла для себя некоторые новые удивительные свойства своего организма. Я легко проходила сквозь стены. Я начала слышать подземелья, и ориентироваться в них, как летучая мышь. У меня обострилось обоняние, и я знала, кто нас ждёт за поворотом: мышь, бомж, кошка или диггер. Но я не спешила делиться этим с Тюшей. И продолжала разыгрывать романтическую идиотку, хотя после купания я перестала ею быть.

«И правильно»

Тут же откликнулся на мои мысли «голос богов».

– Ладно, обедать пора, – сдался Тюша, с подозрением глядя в мою сторону. – Веди меня домой. – Распорядился он.

Лихие люди

Я поплутала, чтобы не раскрывать, что теперь могу обойтись и без него. Сворачивала наугад, по тёмным проходам, а по пути пытала Тюшу вопросами.

– Тюша, а чем ты здесь занимаешься?

– Живу, – хмыкнул он. – Полозу вот помогаю. Утраченное вернуть. Бежишь больно быстро, – недовольно добавил он, – я, чай, не молоденькой.

– По своей воле, или как Модерах, по принуждению? – я постаралась замедлить шаг.

– Помогаю, – насупился Тюша. – Он меня спас, в своё время. А я добром за добро платить привык.

– Спас, – протянула я, почуяв интересное, – а отчего? – я завернула за угол и на мгновение потеряла Тюшу из виду.

Остановилась и прислушалась. Было подозрительно тихо, неслышно привычных шаркающих шагов.

– Тюша?

– Ась? – из-за угла вышел Тюша.

– Отчего спас-то? – напомнила я свой вопрос.

– Кто? Ты кто, милая? – удивлённо спросил меня Тюша.

– Как кто? – оторопела я.

Тюша остановился и посмотрел на меня.

– Незнакомы мы, – он поклонился и свернул в другой проход. – Шла б ты, девка домой, от греха подальше. – Крикнул он из темноты.

Я глубоко вздохнула, и, беспокоясь в очередной раз за своё душевное здоровье, спросила вслух:

– Что это было?

«Ты свернула в другой временной поток»

– Хорошо, – я оперлась о холодную каменную стену, чтобы не упасть от испуга, – дальше что? Это ведь Тюша был? А, не молчи, Голос богов! – В истерике закричала я.

«Тюша. Только на 250 лет моложе»

– Ладно. С Тюшей разобрались. Это он, только молодой. Значит, я сейчас примерно в 1768 году? – В ужасе закончила я математические подсчёты.

«Да. Но ничего страшного. Ты теперь можешь свободно перемещаться между Безвременьем и Прошлым»

– Ладно, – успокаивающим тоном сказала я себе. – Ладно. Это у меня такая дополнительная особенность появилась, да? Что я могу ходить между чем-то и прошлым.

«Безвременье. Это то, место и время, куда ты попала, когда спустилась в подвал. Где упала в Стикс и получила Голос Всезнания»

– Как туда вернуться? Говори быстрее, а то там, – я ткнула пальцем в темноту, куда ушёл прошлый Тюша, – слышна какая-то подозрительная возня.

«Это не возня. Это лихие люди готовятся на тебя напасть»

– Спасибо, – мрачно ответила я, и постаралась тихо отодвинуться от тёмного прохода.

Тихо не получилось, я запнулась о камень, ругнулась и побежала. Лихие люди, как сказал мне Подарочек, перестали скрываться, запалили факел и побежали за мной. Топот множества ног, ругань и отсветы пламени, мечущегося по каменным сводам. И запах, а точнее, вонь, от прелых шуб, давно немых тел, и перегар. Всё это обрушилось на меня. Дикий страх бился в висках, сжимал горло и не давал мыслить. Я, напроць, забыла, что Тюша научил меня проходить сквозь стены. Я могла только бежать, падать, подниматься, и снова бежать. Лишь зрение не подводило меня, я видела в темноте, словно кошка.

– Хватай его!

Меня схватили за полушубок, я дёрнулась, зацепилась правым плечом о выступ и завалилась набок, пытаюсь удержать равновесие, до мяса ободрав ладонь о камни.

– Куды бежишь, паря? – спросил с усмешкой один из лихих людей. – Постой, побалаякать надось.

Борода лопатой, давно не чёсанная, плешивая заячья шапка, лихо заломленная на затылок. Схватил меня за шиворот и подтянул к себе, дыхнув мне в лицо смесью перегара, чеснока и кислой капусты.

– Отпустите меня, дяденьки, – срывающимся голосом попросила я. – У меня нет ничего.

– Во, лешак! – мужик с радостью тряхнул меня. – Это ж, девка!

– Прибей её, Лёха, с бабой хлопот много! – сплюнул мне под ноги второй.

– Погодь, – нехорошо усмехнулся Лёха, – мы её пошупаем маненько, и отпустим.

Он рывком поставил меня на ноги. Ноги у меня подкашивались, и сердце стучало где-то в горле. Надеяться на рыцарское отношение со стороны бородатых дяденек не приходилось. Лёха кровожадно смотрел на меня, и шупал мой полушубок.

– Сымай! – скомандовал он. – Шуба-то хорошая, – он, держа меня за воротник, деловито повернул, осматривая, чем ещё можно поживиться.

Я вздохнула и начала покорно расстёгивать шубу, осторожно вынырнув из рукавов и оставив шубу, как законный трофей мужикам, я попыталась сбежать. Но, пробежать долго у меня не получилось. Страшно матерясь вслед, Лёха бросил мне в спину камень, но промахнулся и попал по руке. Сжав зубы, чтобы не крикнуть от боли, я старалась убежать как можно дальше.

– Вот, прорва, – разозлился мужик и затопал по камням за мной, – стой, оглашённая!

Он схватил меня за волосы, я дёрнулась и упала. Топот за мной прекратился, но я не останавливаясь двигалась в темноту. Мужики, матерясь и читая молитвы, остались за поворотом. Через несколько шагов до меня дошло, что мне не больно опираться на руки. Я остановилась и посмотрела. И тут поняла, что вместо рук у меня лапы, чёрные пушистые лапы.

– Что это? – в ужасе завопила я.

«Ну, так ведь гораздо удобнее бегать»

«Удобнее», – согласилась я.

«Тюша может обращаться в крысу, а ты в кошку»

– О, это меняет дело! – обрадовалась я. – Вот почему они так божились и матерились. Пойду, посмотрю.

Я старалась прочувствовать своё новое тело, лапы, хвост. Для передвижения по подземельям это давало большие преимущества. Я ходила тихо, была маленькая и чёрная, и могла спрятаться за любым камнем. Вернувшись обратно, я осторожно выглянула из-за камня и увидела перепуганных мужиков.

– Вот, те крест! – Лёха истово крестил себя, где-то в районе пуза, и страшно округлял глаза. – Побежала, я её схватил за космы, она упала и стала кошкой! Чёрной!

– Нечистая сила! – поддакнул второй. – Говорил тебе, прибей, – он стал тоже истово креститься и шептать скороговоркой молитву себе в бороду.

– Проклятые эти ходы, – тяжело вздохнул Лёха. – Но куды податься, беглому? В лесах тоже несладко.

– И, правда, – согласилась я с мужиками, испугав их ещё больше. – И шубу я заберу. Ревматизма, это не шутка.

Я прошла мимо них с гордо поднятым хвостом, зубами ухватила шубу, и вернулась в тот ход, где мы расстались с Тюшей. Он шаркал чуть впереди и терпеливо объяснял мне, как его спас Полоз:

– Лихоманка меня била, я уж и помирать по весне собрался совсем. – Он вздохнул, и чуть прибавил шаг. – Больно быстро бежишь, девка.

«И как мне теперь обратно?» – спросила я у Подарочка.

«Так как и вперёд»

Я остановилась и попыталась встать. Тут же увеличившись в росте, я превратилась обратно в человека, и почувствовала все ушибы, кровотокащие ладони и чуть не расплакалась. Хмуρο натянула на себя полушубок и побежала догонять Тюшу.

Правила безопасности

– Не туда свернула, – я догнала Тюшу. – В землянке своей простыл? Да? – сразу начала сыпать вопросами.

– Простыл, – Тюша остановился и посмотрел на меня. – Не туда свернула? Поэтому хромаешь и ладони в кровь? Чего насупилась?

– Свернула я, и заблудилась. Запнулась и упала. Ещё раз свернула и вышла за тобой. Вот и всё. Я ведь третий день всего под землёй-то. – Улыбнулась я.

– Вот и я говорю, осторожно надо ходить, а не бегать впереди меня! Ладно, вышла и синяками отделалась. А могла бы уйти невесть куда, – Тюша ворчал и вёл меня к дому.

А по пути рассказывал, как к нему, совсем умирающему, в землянку зашёл Евсей Иванович, выходил. И только через много лет, Тюша узнал, с кем он подружился.

– А сюда как попал?

– В подземелья? Ушёл, за Полозом.

Во время обеда Тюша долго ворчал, про то, как опасно теряться в подземельях. И постановил, осмотрев мои боевые раны, что пару дней надо отлежаться и залечить мои увечья. Я, воспользовавшись своей немощью, стала приставать к нему с расспросами про жителей, осторожно выведывая, про тот поворот в прошлое. Но не признавалась, что я туда попала.

– Пропадают люди в подземельях? – аккуратно я начала расспросы.

– Конечно, – пожал плечами Тюша. – Могут заблудиться и умереть с голоду. А могут встретиться с кем не надо. Полно опасностей. Могут испугаться и в панике разбиться, утонуть и уйти в неведомое.

– Это куда?

– Есть там места такие, – нехотя стал рассказывать Тюша, – помнишь, проходили злое место.

Я кивнула, широко раскрыв глаза.

– Там капище. Чёрное место. Если туда кто забредёт, обратно не возвращается. Ты ж, наверняка, почувствовала, когда проходили?

– Да меня так с испуга трясло, что непонятно отчего. От злого места, или просто оттого, что в подвал попала.

– Ну да, – усмехнулся Тюша. – Глаза у тебя были с блюдце.

– А ты был там?

– Нет. Силы моей нет справиться с этим. Только Полозу под силу, – Тюша вздохнул, – надеюсь. Но, ты на рожон не лезь, и оно тебя не тронет.

– А привидения? – решила уточнить я. Привидения это страшно.

– Это не зло. Болтаются души, тебе не мешают. Иди мимо.

– А ещё, кто? Ты говорил, что с людьми всегда договориться можно. А с кем нельзя?

– Много с кем, – Тюша задумался. – Всякой нежити в подземельях полно. От самой безобидной – одичавших служебных духов до самой страшной. – И предвидя мой вопрос, Тюша стал разъяснять. – Служебные, это те, кто раньше при человеке был – домовые, овиные, банники. Много деревень заброшенных, а духи, дичают потихоньку. Раньше ведь как, переехал в новый дом и домового с собой забрал, и банника, и овинника, за хозяйством догляд нужен. А сейчас, собрали пожитки и всё. А тех, кто ещё окромя хозяев в доме жил, бросили. Вот и остаются, над развалинами горевать. А кто, совсем дичает, сюда сбиваются. И не всегда доброжелательными бывают. Поэтому, – Тюша серьёзно посмотрел на меня, – осторожно себя с ними веди. Покажу потом. А ещё всякой злобной нечисти полно. Мороки, волколаки, двудушники, заложные покойники, ичетники. А ещё, редко, но сиртя, бывает, забредает в наши пещеры, тоже не самые доброжелательные создания.

– Стой Тюша! – я от такого обилия информации, схватилась за голову. – Кто все эти создания?

– Покажу, – Тюша встал из-за стола, и строго посмотрел на меня. – Недосуг мне сейчас, идти надо. Ты за хозяйку остаёшься. Ежели Евсей Иваныч пожалуют – будь добра прими, как гостя дорогого. Сегодня не вернусь, далеко иду.

– А Евсей Иванович, он кто? – напрямую спросила я, чтобы проверить, что мне сказал Подарочек.

– Дак ить, Полоз это. Не признала? – просто сказал Тюша.

– Полоз, – протянула я. – Значит, он и человеком, быть может, и этакой махиной.

– Да, – Тюша строго посмотрел на меня. – В подzemелье не ходи. Поняла?

Я утвердительно кивнула, но решила, что потом, обязательно схожу, поищу, давешнего Тюшу.

Не утерпела

Выждав пару часов после ухода Тюши, я замотала обе ладони, на всякий случай, натянула шубейку и вышла из тёплого дома. Мне хотелось разобраться с этими поворотами в прошлое и безвременье, как их назвал Подарочек. Если я сейчас нахожусь в Безвременье, я смогу, так, гипотетически, вернуться к себе домой, в своё время, где жила? Или я навсегда, как Тюша и Модерах застряла здесь? Если, встреченный мной Тюша, выглядел 250 лет назад, и сейчас практически одинаково, значит ли это, что я тоже законсервируюсь в своём, сегодняшнем возрасте. Было бы неплохо. Я ещё не решила для себя, хочу ли я остаться здесь, или вернуться домой, наверх.

Размышляя на ходу, я пыталась найти, тот поворот, где я попала в прошлое. Там, конечно, будет удобнее передвигаться кошкой, чтобы обезопасить себя от пристального внимания бородатых лихих людей. За ближайшим поворотом я услышала голоса. Остановилась, стараясь определить, кто там за поворотом. По разговору, на бородатых разбойников не походило. Было несколько человек, кто-то, очень важный, и несколько сопровождающих. Один, сильно лебезил, указывая дорогу.

– Извольте, батюшка, Карл Фёдорович, извольте ножку сюда поставить! Не споткнитесь!

– Ах, перестань! – недовольно ответил мужчина. – Сказывай, в чём нужда.

– Так, вот, Владыко-то наш, приболел. Неприятность, Карл Фёдорович!

– Значит, как я с ревизией пришёл, так Владыко, приболеть изволил? – насмешливо ответил Карл Фёдорович.

– Бездеятельность обнаружилась в деле постройки помещения для семинарии. Дело, руководимое неумелой и ленивой рукой прежнего епископа, затянулось не можно как! – блеял в ответ Карлу Фёдоровичу голос.

Не решившись выглянуть, я опустила на пол, и, обратившись кошкой, тихо вышла в ход, где беседовал, как оказалось – Модерах. Опираясь на трость, он важно смотрел на мелкого церковного служку, который, сгибаясь в три погибели, оправдывался перед ним. За Модерахом толпились важные сановники, перешёптывались, осуждающе глядя, на сторбленную фигуру с жиденькой бородкой.

– Не можно терпеть небрежение Владыки! – громогласно сказал Карл Фёдорович. – Сколь церковью устроены тщанием и коштом граждан губернии? Сколь я писал меценатам, заводчикам об устройстве здания? И как Владыко оплатил? Времени нет беседовать со мной?

– Не гневайся, почтеннейший Карл Фёдорович! – в подземелье вошёл бледный, в чёрной рясе высокий священник. – Приболел я.

– Что ж вы Владыко, коли болезный, тревожишься? – смягчился Модерах. – Не дело, вы, конечно, надумали ходы под городом копать, без дозволения землеустроителей. И дорогу обрушили, рядом с семинарией. – Уже совсем спокойно закончил свою речь Карл Фёдорович.

– Ревностнейшим в общем деле помощником, ты Карл Фёдорович являешься. Молюсь о тебе, как о добром сотоварище и споспешнике, в божьем деле.

– Ладно, ладно, Владыко, – Карл Фёдорович обеспокоенно посмотрел на него. – Укреплять своды нужно. Отряжу я тебе инженеров в помощники. Но, другой раз, не копай на свой страх. Зыбкие почвы в городе.

Раскланявшись и ещё бормоча про «истинную признательность и душевную преданность» друг к другу Модерах и церковники ушли. Я ещё посидела, в раздумьях. Видимо, я попала в прошлое, но вот интересно, в тот же год или промахнулась? И как-то можно планировать в какой год я попаду, завернув в очередной тоннель? Пока я рассуждала, в тоннеле опять началось движение. Держа перед собой большой деревянный фонарь со свечой внутри, по подземелью неуверенно шаркал священник. Он бормотал молитвы, и обеспокоенно смотрел

по сторонам. Не нравилось ему подземелье, он водил фонарём из стороны в сторону, пытаюсь осветить как можно больше.

– Тьфу ты пропасть! – остановился священник, увидев меня. – Кыш, окаянная!

Я сидела, не шевелясь. Но Священнику было так страшно, что пугая меня, он старался отогнать свой страх.

– Проклятущее создание! Сидит чёрная, глаза пучит, бесово отродье! Кабы, не мыши, всех бы кинуть в мешок и утопить. Кыш! – он рассерженно топнул на меня ногой.

Я тяжело вздохнула, вспомнив Тюшу, в тот момент, когда кидалась в него тапком, и отошла в темноту.

– Сколь я Владыке вопиял, о мерзостях этих! – продолжал ворчать он. – Божьи твари, ответствен. Не божьи твари, а бесово отродье. Прости меня Господи, – он мелко перекрестился.

Так ворча, он дошёл до поворота, откуда пришла я, и исчез. Я заглянула за угол, посмотреть, куда он делся. Священник шёл по коридору, неспешно удаляясь от меня. И всё так же бормотал про бесовских отродий, и что, вместо того, чтобы тратиться на бесовские же книги для семинаристов, лучше наказывал бы нерадивых отроков поркой. Но при этом, он стал полупрозрачен.

– И на что семинаристу поэзия и философия? Устав церковный должен знать, молитвы...

Я отвлеклась от его ворчаний, пытаюсь понять, как только что он был вполне телесен, шёл, шаркая, и ругаясь. А повернув за угол, стал привидением? Я прошла и туда, и обратно, но со мной таких изменений не произошло. А он только, что был живым из плоти и крови, а стал привидением и не заметил этого. Интересно.

Я решила поискать ещё кого-нибудь, чтобы проверить. Но только я выбрала, в какую сторону мне направиться, как перед моими лапами, между камнями, преградив мне путь, мелкими ручейками побегал песок. Он возникал из земли, и уходил в землю. Сначала обычный, светлый песок, какой бывает на речных отмелях. Но постепенно, в нём стали появляться золотые искры, и через минуту, песчаные ручьи стали золотыми. Они поменяли направление, из мелких, тонюсеньких ручейков сложились в один, примерно в палец толщиной. Золотоносный ручей стал сворачиваться кольцами, как Полоз, когда я увидела его в первый раз, но присмотревшись внимательно, я увидела одно слово «домой».

– Что это? – я почесала себе за ухом задней лапой, за неимением руки пришлось воспользоваться кошачьим способом.

«Полоз призывает тебя вернуться домой»

– Ага. И зачем ему я понадобилась?

«Беда. С Тюшей беда».

Кошкой передвигаться быстрее. Но кошачьи рефлексы страшно мешают. Торопясь домой к Тюше, я бежала, не разбирая дороги, и поэтому всё время попадала лапами в лужи. И только силой воли, останавливала себя оттого, чтобы не трясти в истерике лапами от холодной воды. Нет, кошкой совершенно невозможно бегать по лужам. Лучше человеком. Но, почти столкнувшись пару раз с людьми, совсем недружественной внешности я передумала. Странное ощущение не покидало меня во время бега – я, словно пронизывала прошлое, безвременье и ещё, что-то, не совсем понятное для меня. Перед самой избой Тюши, я приняла человеческий облик и с усилием дёрнула дверь.

Окровавленный Тюша, лежал на лавке. Евсей Иванович суетился вокруг него, промывая раны, бросая кровавые тряпки прямо на пол.

– Воды подай, – не поворачиваясь ко мне, бросил он.

– Кто его так? – я изо всех сил сдерживала слёзы.

– Модерах, – тихо сказал Евсей Иванович. Так, словно вынес смертный приговор.

– Нет! – я не могла поверить в это. – Нет, не мог Карл Фёдорович такое сделать.

Евсей Иванович, не ответил, а зло пихнул мне багор из-под лавки.

Узаконенный бес

Евсей Иванович, всю ночь просидел рядом с ним, так и не доверив мне Тюшу. Я устроилась за столом, и иногда всё же проваливалась в сон, стучалась головой о сложенные руки и просыпалась. Насильно поила Евсея Ивановича чаем, и отвлекала разговорами.

– Сколько лет мы уже вместе, – горестно вздыхал Евсей Иванович. – Как бы плохо ни было, Тюша не бросал меня.

– Он мне рассказал, как вы познакомились, и от лихоманки его спасли. Сказал, если б не вы в ту зиму, точно бы умер, там в землянке.

– Умер бы, – спокойно подтвердил Евсей Иванович. – Я ведь его всё лето проверял. Интересно мне стало, зачем пришёл мужик в лес жить. Понятно, что беглый. Но, те, кто бежал от господ, те далеко старались уйти, что б не поймали. А Тюша в соседний лес ушёл. Землянку выкопал, и каждый вечер на взгорочек ходил, на дом свой, развалюху смотрел. Посидит, посидит, вздохнёт о несбывшемся, и идёт в землянку свою. Жил трудами своими, что насобирал, поймал, тем и счастлив. Я ведь проверял его, – улыбнулся Евсей Иванович. – Всё лето кольцами перед ним вилял, золото под ноги сыпал, самородки в силки загонял. Он возьмёт самородок, посмотрит, да и отшвырнёт его. Ворчал ещё «бесполезное это сокровище».

– А как вы сюда попали?

– К весне его на ноги поставил и уговаривал уйти. Но он всё никак не мог решиться. А тут беглых барыня повелела ловить по весне, всех без разбору и своих и чужих. Нашли его землянку, чуть не словили. Простился он с могилами, и ушёл. Да и мне житья не стало, рядом с людишками, – усмехнулся Евсей Иванович. – Всякое почтение потеряли, ловили меня, как зверя дикого. Особливо житья не стало от красных комиссаров. Сначала-то я поверил, что за лучшую жизнь бескорыстно бьются, помогал. То там, золотишка сыпану, то самородок выкину под ноги. Но, когда люди с голоду пухли, и траву ели, а они все подчистую вывозили из деревень – понял, что баре, что комиссаре. Власть людей портит. И мы сюда ушли, в подземелья. Много здесь такого, чего не бывает, живёт. Да, чай, рассказывал тебе Тюша.

– Рассказывал. А показать, потом обещал. Наказал аккуратно ходить. С людьми, сказал договориться можно, а другими нельзя.

– А ты шастаешь, – ворчливо сказал Евсей Иванович.

– Шастаю, – согласилась я. – Только интересно мне. Да и в избе сидеть скучно.

– Наказал тебе не ходить в сторону капища? – не меняя тона, продолжил Евсей Иванович.

– Наказал, – опять согласилась я.

– А я тебя там и нашёл. Где церковники, там и капище. Не ходи туда. Люди ленивы, – опережая мой вопрос, начал объяснять Евсей Иванович, – обычно строятся на одном месте. Все старые заводы у нас в городе, построены там, где раньше плавил медь сиртя. А все церкви – там, где раньше люди молились другим богам.

– Зачем? Ну, с заводами понятно. Искать не надо место подходящее, тут тебе и руда, и переработка. А церковь?

– И тут понятно. Когда приходит новая вера, она старается занять место старой. Старые боги становятся бесами новой религии.

– И вы?

– Мне, – Евсей Иванович усмехнулся, – повезло больше. Я стал сказкой.

– Сказкой лучше быть, чем узаконенным бесом.

– Так мне, всё равно. Я от этого не изменился, – усмехнулся он.

Под утро Тюша пришёл в себя. Открыл глаза, и тяжело вздохнул. Евсей Иванович, осторожно напоил его отваром.

– Спи, Тюша. Не тревожься.

И наказав мне, если что звать на помощь его, ушёл. Я сидела рядом с Тюшей, но переживала за Модераха. Неизвестно, можно ли убить умершего снова, но то, что ему не поздоровиться сегодня было понятно. И неизвестно, умер ли Модерах, или как Тюша, попав в безвременье, стал просто долгожителем. Хотя и был предоставлен багор в качестве доказательства нападения на Тюшу, мне не верилось, что Модерах способен на такое. Отношения у них натянутые, это правда. Но натянутые они только потому, что Модерах, не по своей воле, вынужден служить Стиксу. Это скорее тщательно скрываемая приязнь, чем ненависть. Только ненависть, мне кажется, способна толкнуть на такое зверство. Я сидела и пыталась представить, что надо чувствовать, чтобы багром так изувечить человека. У меня не получилось.

Попеременно мы сидели с Тюшей две недели. У меня получалось только спать и сидеть с болящим. А Евсей Иванович, уходил в подземелья. Возвращался мрачный, и не отвечал на вопросы. Я понимала, что он ищет Модераха.

Как только Тюша смог говорить, я начала приставать с расспросами, кто на него напал. Он не помнил.

– Вот что девка, – тихо прошептал Тюша, – ждут ведь меня.

– Кто?

– Ты иди, – он едва переводил дыхание. – Иди. Письмо, возьми, в шубе.

– Ладно, – я на всё была согласна, чтобы Тюша не переживал. – Вот письмо. А куда идти-то?

– Провожатого дам, – Тюша опустил руку на пол. Из-под лавки выбежал мышонок, сел рядом с рукой и очень умно посмотрел на меня. – Он доведёт.

От такого напряжения, Тюша тяжело задышал, в изнеможении закрыл глаза, а на лбу выступил пот. Я с сомнением посмотрела на него. Как оставишь в таком состоянии, совсем слабый он. А Евсей Иванович только вечером будет, ходит по своим делам ползковым. Или ползает?

– Иди, – Не открывая глаз, приказал Тюша.

– А ты то, как?

– Иди, – почти без звука повторил Тюша.

Иду с навигатором

Я наклонилась, подставив мышонку ладонь. Он внимательно понюхал её, и забрался, пощекотав мне ладонь маленькими лапками. Интересно, когда я обращусь кошкой, не возникнет ли у меня желание перекусить им? Я ещё раз с сомнением посмотрела на уснувшего Тюшу, и вышла за дверь. Интересно, как эта мышь сможет показывать мне дорогу? Пойду, а там разберёмся с этим навигатором. Мышь сидела у меня на ладони, дёргала носом принюхиваясь. Ну, не таскать же её, всё время на ладони, как компас? Рука устанет. Я засунула, обиженно пищащую мышь в карман. И потом, раз уж я вышла из дому, точнее, меня выгнал Тюша, неизвестно куда, и неизвестно как далеко мне придётся идти, я решила зайти к Модераху и спросить его напрямую, о произошедшем. Если он жив, конечно. Хотя у меня были некоторые сомнения на этот счёт.

Я шлёпала по лужам, по направлению к Модераху. Мышь сердито возилась в кармане, и была недовольна выбранным мною направлением. Я легонько похлопала по карману:

– Надо проверить Карла Фёдоровича, а потом пойдём сразу по делам.

Мышонок поцарапался ещё немного и затих. Честно говоря, идти было страшно, потому что я всё время боялась, что приду и увижу Модераха таким же изувеченным, как Тюшу. И я, незаметно для себя шла долгим путём, оттягивая момент страшного зрелища. В подземельях стоял ледяной холод. И само ощущение этого места сильно изменилось, за эти две недели, пока я сидела с раненным Тюшей. Страх затаился в подземельях.

Жители подземелья перестали передвигаться по одному. Бомжи, оглядываясь, ходили группами, хриплый пьяных смех не разносился по каменным коридорам. Они шли молча, быстро переходя от места ночлега, до выхода на улицу. Диггеры, чувствуя опасность, не дожидаясь появления белой крысы, сворачивали свои экспедиции. А перед этим долго курили, матом разгоняя обступающий со всех сторон страх. Пропали даже крысы.

– Страшно, – я судорожно вздохнула и поёжилась.

«Это только начало».

– Интересно, где ты раньше был? – возмутилась я на Подарок богов. – Значит, две недели молчал, а теперь решил поговорить?

«Сложно мне беседы при Полозе вести»

Я стояла перед поворотом, и не решалась выйти к Стиксу. Мышонок завозился нетерпеливо.

– Иду, – решила я.

Осторожно выглянула из-за угла, я увидела, что на берегах Стикса ничего не изменилось. Тихо, мрачно, и тоскующий Модерах, на табуретке.

– Карл Фёдорович! – я выбежала и остановилась перед хлипкими мостками.

– Зачем вернулась? – не очень приветливо сказал Модерах. – Я то, надеялся, что очухаешься и уйдёшь из подземелий.

– Нет, не могу. Раз уж втянули меня в историю, придётся до конца идти. – Сказала и поняла, что это так. Не смогла бы я уйти, даже если бы очень захотела. – Карл Фёдорович, скажите, это вы?

– Да нешто я убивец? – грозно посмотрел на меня Модерах и расправил плечи.

– Фу... – выдохнула я, и чуть не заплакала. – Карл Фёдорович, родненький, я так за вас волновалась.

Я часто-часто заморгала, чтобы согнать слёзы. Решительно встала на хлипкие мостки.

– Стой! – Модерах подскочил с табуретки. – Не сегодня. Скоро праздник у них, языческий. – Карл Фёдорович мотнул головой, в темноту за своей спиной. – На день исчезнут гра-

ницы между миром мёртвых и живых. Будет день открытых дверей, – он усмехнулся. – В этот день можно беспрепятственно перейти Стикс и вернуться обратно в мир живых.

– Мне то что? – я пожала плечами. – Я же теперь, после купания в Стиксовых водах могу в любое время туда-сюда ходить. Или нет?

– Можешь. Только возвращаться сложно будет. Соблазнов много, препятствий. Не ходи. Как Тюша-то? – осторожно спросил Модерах.

– Пришел в себя, только слабый еще. Дело мне дал. Идти надо.

– Война будет, – тяжело вздохнул Модерах. – Уходи наверх. Не дело это, бабьими силами спор решать.

Богиня Стикс

Я достала из кармана мышонка посадила себе на плечо, и решительно пошла по подземным коридорам. Сколько предстояло идти мне, я не знала и старалась не думать об этом. Слова Модераха, сильно меня испугали, но если дело может решиться только с моей помощью, я-то уж постараюсь обойтись без вооружённого конфликта.

Боги, хоть и бывшие, бессмертны. Живут давно, им скучно, вот и ссорятся. Хоть какое-то развлечение. Войны – это такие маленькие радости богов.

Ни с Полозом, ни со Стиксом ничего страшного не произойдёт. Максимум, чего им стоит опасаться, это потерять свои владения. Тут или Стиксу придётся уйти из наших земель, к себе на греческие просторы, или Полозу, покинуть свои владения. Обидно, но не смертельно. А остальные? Все те, кто живёт, здесь под землёй? Они точно могут погибнуть в борьбе за ущемлённое самолюбие богов.

Странно, но когда рядом со мной Евсей Иванович, то я воспринимаю его как человека, сочувствую ему и переживаю за него. А когда он становится Полозом, он сохраняет свои человеческие качества?

В ухо мне истошно запищал мышонок, я дёрнулась от испуга, и очнулась от своих размышлений. Коридор, по которому я шла, раздваивался, и я наблюдала интересную картину. По правому коридору шла группа монахов, освещающая свой путь свечами, что-то возбуждённо обсуждая, про бесовские козни, и что на это скажет епископ.

– Стена-то, – горестно причитал один из них, – стена-то в подземном ходе в семинарию! Только построили, и обрушилась вся! А там, мерзость такая! Ох, что нам скажет, епископ!

– Мерзость языческая! – басил второй. – Черепа, кости и жертвоприношения человеческие! – он размашисто крестился и закатывал глаза. – Вот страсть-то! Жертвы-то свежие совсем!

Они шли, не замечая меня, сильно напуганные. Вдруг один из них запнулся, потом поднял глаза и увидел меня. Он дёрнулся, открыл рот, перекрестился и приготовился закричать, но его подталкивали в спину, другие, и он так и прошёл развилку, не отрывая взгляда от меня. Как только они перешли в другой коридор, стали прозрачными, колеблющимися тенями. Они уже были привидениями и не заметили этого.

В этом месте встречались разом прошлое и безвременье. Интересно, в каком сейчас коридоре времени стою я? Мышонок опять запищал, и я обернулась назад. Ко мне подходила красивая, немного надменная женщина. Она была вполне телесна, но прогуливалась по ледяному холоду практически голая, не испытывая при этом каких-либо неудобств. В лёгком полупрозрачном хитоне серебристого цвета, на плечах перламутровые застёжки-фибулы. Высокая причёска, с локонами. Значительно выше меня, и чтобы разглядеть, мне приходилось задирать голову. Доброжелательно улыбаясь, она подошла совсем близко ко мне.

– Значит, это ты нарушила спокойное течение вод моей реки? – она рассматривала меня как неодушевлённый предмет, с таким видом, словно ещё не решила, нравится он ей или нет.

Мышонок истерично кричал на моём плече. Я хотела его опять спрятать в карман, но не успела. Женщина взяла его, двумя пальцами свернула ему шею и бросила на пол. При этом она не переставала немного рассеянно улыбаться:

– Не люблю мышей.

– Это была моя мышь! – рассердилась я.

– Это всего лишь мышь, – строго сказала она.

Женщина слегка наклонилась, развела руки в стороны, словно раскрыла громадные крылья, чуть наклонила голову к плечу, не отрывая немигающего взгляда от меня, и превратилась в громадную сову, пронзительно крикнула. Взмахнула два раза крыльями, проверяя их готов-

ность к полёту, я инстинктивно сжалась, чтобы она не сшибла меня. Легко подхватив меня за шубу, сова взлетела. Бесшумно скользя по подземельям, ловко уворачиваясь от углов, завалов и бомжей, сова несла меня, словно мышшь, в своих громадных когтях. Я беспомощно болталась, и всё боялась, что об следующий угол она меня точно ударит. Наконец, меня перестало мотать. Сова перелетела через Стикс и бросила меня на камни, прямо под ноги Модераха. Сама села на большой камень и уставилась на меня круглыми глазами. Модерах, болезненно сморщившись, встал со своего табурета и помог мне подняться. Он поглаживал меня по спине и тихо бормотал сам себе:

– Ну вот, не успела, не успела уйти, девочка.

Сова возмущённо и пронзительно крикнула, и захлопала крыльями. Модерах отошёл от меня, поклонился:

– Приветствую тебя, Ненавистная!

– Я предпочитаю, чтобы ты называл меня богиня Стикс, – сказала надменно сова, пре-вращаясь обратно в женщину.

Она тряхнула головой, посмотрел на меня и приказала:

– Пошли.

Я беспомощно оглянулась на Модераха, он стоял и мелко крестил меня в спину.

Стикс, не дожидаясь моего ответа, повернулась и пошла по узкой тропинке между камнями. Я, решившись, и двинулась за ней. Постепенно тропинка превратилась в широкую, мощёную дорогу. Мы шли по каменистой долине, над нами было высокое, бездонное синее небо. Лёгкие облака и много солнца. Горные склоны, цикады и очень тепло. Я сняла шубейку, и повесила на плечо. Стикс грациозно двигалась впереди, не обращая на меня внимания. Безмятежная прогулка по долинам Греции – если б не ожидание неприятностей.

Подойдя чуть ближе к горным склонам, я увидела высокие колонны, подпиравшие небо. Они невыносимо блестели на солнце серебром. За ними стояли колонны поменьше и держали на себе крышу. Греческий храм, истёртые ступени и склонившиеся в полупоклоне юноши. За храмом, по склону горы серебристый водопад. Идиллическая картинка на обложке рекламного буклета. Стикс поднялась по ступеням храма, и остановилась, дожидаясь меня.

– Прекраснейшая Ненавистная! – юноши поклонились ещё ниже, с благоговением взирая на богиню.

– Тельхины!¹ – воскликнула Стикс. – Приветствую вас, верные слуги! Встречайте гостью, – она кивком головы указала на меня.

Гостья? Это, конечно, лучше, чем пленница. Хотя в гости, приглашают немного по-другому. Уж точно не тащат за шкуру. Но, возможно, я придираюсь, и у богов так принято.

Богиня провела меня в большой зал, улыбаясь, предложила место на скамье. Тельхины, скользя по мраморным полам, накрыли низкий стол, фруктами, мясом и вином.

– Что привело тебя в подземный мир? – улыбаясь, вполне доброжелательно, богиня начала светскую беседу.

– Упала, – пожалала плечами я. – Случайность.

– Случайность... – протянула богиня. – Даже случайность подвластна Мойрам. – Не очень понятно, но красиво объяснила Стикс.

Я всегда мечтала так изъясняться. Величественно-снисходительно, и непонятно. Так можно объяснить всё что угодно. А ты, потом сиди и думай, как это расшифровать.

¹ Тельхины – обладавшие волшебной силой злые демоны, братья Роды. Дети Посейдона и Галии. Жили на о. Родос. Тельхины выковали для Кроноса серп, которым тот оскопил Урана. Считалось, что они губят посевы, поливая землю водою из р. Стикс, смешанной с серой. Тельхинов было девять, некоторые из них впоследствии вместе с Реей переселились на о. Крит, где стали называться куретами.

– Хотя, – Стикс задумчиво отпила из бокала, – может Неотвратимая², так решила подшутить надо мной.

Я почувствовала себя лишней. Я ничего не понимаю, мне жарко в резиновых сапогах, и у меня было дело, порученное Тюшей. Правда, совершенно непонятно, как сейчас это дело выполнить, без мышонка. И правда, ненавистная эта тётка, взяла и убила ни в чём не повинное создание.

– Так бывает, – взмахнула она лениво рукой и посмотрела на меня.

– Что так бывает? – не поняла я.

– Кому-то предназначено умереть просто так. Тем более, это мелкое и никому не нужное создание, почти как ты.

– Я немышь! – взвизгнула я. – Мне жарко и противно у тебя.

Стикс посмотрела заинтересовано на меня и хлопнула в ладоши:

– Подайте Случайной, приличествующую одежду.

Тельхины окружили меня. Стянули с моих ног красные резиновые сапоги, шерстяные носки, хлопковые носки, и как я не сопротивлялась и ни брыкалась, стянули с меня свитер, майку и джинсы. Намотали на меня балахонистый хитон и на ноги надели чудесные греческие сандалии. Попытались расчесать мне волосы гребнём и уложить в такую же замысловатую причёску, как у Ненавистой.

– Прочь! – я лупила, их по рукам и сопротивлялась.

– Случайной так будет удобнее! – они улыбались и забавлялись со мной, как с мышью.

– Мне удобно, чтобы меня не трогали! – процедила я сквозь зубы.

Стикс махнула на них рукой. Тельхины улыбаясь, поклонились.

– Одежду мою оставьте! – довольно грубо приказала я тельхинам, которые пренебрежительно свалили мои тёплые вещи в кучу.

– Она тебе не понадобится, – пожала плечами Стикс. – Ты будешь жить здесь. – Она показала куда-то за пределы храма. – Чем плохо? Тепло, солнце, всего в достатке. Я подарю тебе демона, – Стикс ткнула пальцев в тельхинов, – выбирай. Будешь заселять долину Стикса.

– Чудесное предложение, – сказала я с иронией, – об этом я и мечтала.

– Ну вот и славно, – Стикс хлопнула в ладоши, не поняв моего отказа. – Случайной нужен дом!

– Я вынуждена отказаться, – холодно сказала я.

– А зря, – пожала плечами Ненавистная. – Лучше жить, плодиться и быть бессмертной. Хотя ты и так уже стала бессмертной, искупавшись в Стиксе, – оговорилась она. – Но, правда же, подумай, лучше жить свободной и плодиться.

– Вполне возможно, – согласилась я. – Но жить свободной, это значит выбрать своё место жительства.

– Выбирай в пределах долины Стикса, – Ненавистная жестом гостеприимной хозяйки указала куда-то за пределы храма.

– И плодиться я тоже хочу выбрать от кого, и плодиться ли вообще, – занудно продолжила я.

– О, Зевс! – наконец, потеряла самообладание Ненавистная. – Женщины Греции более разумны. Видимо, холодные ветра твоей страны, делают тебя сварливой и несговорчивой. Чем ты недовольна?

Она махнула тельхинам:

– Отведите Сварливую в покои. Пусть обдумает моё предложение.

² Согласно Гомеру, мойрами, прядущими нить человеческой судьбы, были три сёстры – **Лакесис** («дающая жребий» ещё до рождения человека), **Клото** («прядущая» нить человеческой жизни) и **Атропос** («неотвратимая», неуклонно приближающая будущее)

Я гордо выпрямила спину, взяла узел с тёплой одеждой и пошла за демонами.

– Одежда тебе не понадобится, – ещё раз напомнила мне Стикс.

Но я только покрепче прижала к себе подарок Тюши – красные резиновые сапоги.

Покои для обдумывания предложения Стикс представляли собой узкую тёмную келью, выдолбленную в камне. Каменное ложе, яма и кувшин с водой. Под потолком маленькое оконце, в которое сможет пролезть лишь кошка. В окне виден лишь кусок голубого неба.

– Лучшее место Случайной для обдумывания! – хихикая и толкаясь, сообщили мне демоны и закрыли дверь.

Соорудив из шубейки, свитера и джинсов подушку, я улеглась на каменное ложе. «Ага, не понадобится» – зло подумала я. – «Камни не перина». Поворочалась, отпила воды. Есть о чём подумать на досуге. Как сбежать, например.

Побег Случайной

Проворочившись до ночи на жёстком ложе, я придумала. Как сбежать. Может быть, кто-то придумал бы это и быстрее, чем я, но я всего лишь девушка. Я скинула хитон, с сожалением сняла сандалии, и облачилась в свою одежду, как в латы. Сапоги, джинсы, свитер и шубу. В кармане лежало письмо, которое я должна доставить неизвестно куда и кому. Та ещё задача. Но, в очередь, сукины дети! Сначала сбежать, а потом разбираться с письмом.

Переживая за результат, я встала перед маленьким окошечком, наклонилась, обратилась в кошку и прыгнула! Но, только проскребла когтями по стене и упала вниз. Хорошо. Попробуем по-другому. Я запрыгнула на каменное ложе, с него было прыгать ближе, но наискось. Я прицелилась, сосредоточила и прыгнула. Зацепилась когтями за камень, помогая задними лапами, залезла на окно. Принюхалась. Пахло нагретыми за день камнями, травой и мышами. Тихо. Звёздное небо, непривычно высокое для Урала. Понаблюдав немного за местностью, и удостоверившись, что всё тихо, я спрыгнула вниз. Обошла храм, дав приличный крюк, и пошла рядом с дорогой, прячась в траве. Скоро добралась до заветного шаткого мостика через Стикс. Модерах спал, прислонившись на камень. Я не стала его будить, чтобы не подвергать наказанию, за то, что упустил беглянку. С опаской перешла Стикс, стараясь не смотреть вниз. У мостика сидел мышонок и ждал меня.

«Живой!» – обрадовалась я.

«Нет. Это другой. Ещё пара мышей и Тюша умрёт от потери сил»

– А, Подарочек объявился! – мстительно мяукнула я. – Как всегда, вовремя. У Стикса и Полоза, что на тебя глушилка работает? Почему когда ты необходим, на тебя немота нападает?

Я закинула мышонка себе на загривок, и побежала прочь от страшного места, по пути ворча на Подарок богов. Мол, на что такие подарки, которые работают когда хотят и ничего умного не сообщают, и неизвестно ещё, на чьей они стороне. Подарочек молчал, чуял, что виноват.

Я бежала всю ночь, мышонок приспособился показывать мне направление, постукивая лапкой по голове. Как кошке, мне хотелось порвать этого наглого мерзавца, но мозги-то у меня остались человеческие, и я убеждала себя, в приступе гнева, что он мне ещё пригодится. Я бежала по подземным коридорам, перепрыгивая реальности, стараясь убежать как можно дальше. И не обращала внимания на лужи, грязь, привидения и бомжей. Больше ночью в подземельях никого не было. Когда лапы совсем перестали мне повиноваться от усталости, я выбрала маленькую пещерку, спряталась и заснула, спрятав мышонка, для надёжности между лапами. Проснувшись к вечеру, я первым делом проверила мыша, ткнув его носом, в тёплое брюшко, он недовольно пискнул и задёргал носом. Закинула его на шею и вышла оглядеться.

«Интересно, где я? Из Перми, думаю, уже давно выбежала», подумала я, честно говоря, надеясь на ответ Подарочка. Но он молчал. Я вышла в большую пещеру и услышала приближающиеся голоса. Много. Вдруг зажёгся яркий свет. Я вжалась в камень. И увидела человек двадцать людей, и это были не привидения. Они щёлкали фотоаппаратами, тыкали пальцами и восхищались. А между собой говорили на иностранном языке. Что-то восточное. Ну, не может же быть, что я за ночь достигла гор Кавказа?

– Итак, мы с вами находимся в гроте Романтиков! – хорошо поставленным голосом экскурсовода сообщила идущая впереди женщина. – Посмотрите сюда!

Группа примолкла, а потом снова гортанно загомонила, мешая русские слова и восточные. Я присмотрелась, это была большая армянская семья. Высокий грузный мужчина терпеливо помогал бабушкам и маленьким детям, и объяснял экскурсоводу:

– Я объехал все пещеры в бывшем Союзе! Но красивее Кунгурской ещё не видел! Поэтому я привёз сюда всю свою семью! Ануш! Не бегай! – он строго закричал маленькой девочке.

Я за ночь добежала до Кунгурской пещеры! Вот это да! По трассе почти сто километров от Перми. А по подземельям, и неизвестно. Никогда не подозревала, что можно по подземным ходам и пещерам добраться до Кунгура.

«Не только. До самого Салехарда»

Наконец, снизошёл до ответа Подарок богов.

– Приятно тебя слышать, – хмыкнула я. – Заключаем перемирие.

«Ладно»

Мышонок стал нетерпеливо стучать меня лапкой. Я дёрнула головой, чтобы он не зазнался, и степенно пошагала в нужную сторону. Бежать было сложно, все мышцы, не привыкшие к таким нагрузкам, отчаянно ныли. И банально хотелось есть. И ещё, я очень надеялась, что до Салехарда мне не придётся добираться. Хотя, выбора-то у меня не было. Раз уже ввязалась в эти игры богов, придётся играть до конца.

Мышонок нетерпеливо гнал меня по пещерам, постукивая лапкой. Я привыкшая уже к подземельям, всё время тормозила и рассматривала местную красоту, недоступную мне, как простому туристу. В Кунгурской пещере я была, и не раз, но такой её не видела. Конечно, на цивилизованных тропах пещеры, было освещение, заставлявшее сталагмиты и сталактиты сверкать и переливаться не хуже бриллиантов, а изморозь, покрывавшая стены и вовсе затмевала всю представляемую по сказкам пещеру Али-Бабы.

Но углубившись в неизведанные ещё пещеры и гроты, я увидела настоящую жизнь пещеры. Я всегда подозревала, что все легенды, которые рассказывают экскурсоводы, имеют мало общего с действительностью, но чтобы настолько! В пещере тоже существовали свои потоки времени, но они отличались, от наших подземелий.

Здесь в одном гроте запросто могли бок о бок работать, и первооткрыватель пещеры в начале XX века с факелом в руках проводящий экскурсии. И дяденька интеллигентного вида, в ватнике, и в шляпе, с жаром доказывающий скучающему партийному работнику, что «пещера, имеющая мировую известность, находится в нетерпимом положении, необходимо благоустройство входа и тропы». И тут же, рядом с ними прятали награбленный хабар, разбойного вида мужички, по виду века осмнадцатого. Жили в одном пространстве всё разом, не видя и не мешая друг другу.

Я остановилась с рядом небольшим провалом, наполненным водой, пить хотелось страшно. Наклонилась и стала лкать холодную воду. Вода, немного заволновалась, хотя ветра не было, и засветилась, словно внутри включили иллюминацию. Я увидела бездонной глубины колодец, небесно синего цвета, переходящего в глубокую бирюзу в глубине колодца.

– Устала, милая? – рядом на камне сидела маленькая старушка, в синем, старинном сарафане, и приветливо мне улыбалась.

– Устала, бабушка, – я, не почувствовав опасности, села рядом.

– Попей из моего колодца будет легче, – она махнула в бирюзовую синеву воды. – А Тюша, что же, занемог?

– Занемог, – сказала я, а сама напряжённо всматривалась в старушку. Что-то знакомое чудилось мне в синем сарафане бабушки и в синих, по-девичьи ярких глазах.

– Не бойсь, девка! – сверкнула белыми зубами старушка. – Не обижу.

– Как Тюша, говорите, слово в слово! – улыбнулась я. – Синюшка?

– Узнала, – довольно улыбнулась бабушка. – Да, Синюшка, и колодец мой.

– Да можно ли воды-то из него напиться? – с сомнением я посмотрела на бабушку.

– Пей. Ты ж не за богатством пришла. А по Тюшиному поручению. Своих не обижаем, – успокоила меня бабушка. – Напилась? Пойдём, покормлю вас с мышом-то. Голодные, чай.

– Ой, голодные, – в тон ответила я и вздохнула.

Бабушка провела нас по пещере, до маленького домика, скрытого за камнем. Избушка походила на Тюшину. Даже самовар стоял, и уже пыхтел, готовый поить нас чаем.

– Вставай давай, девка. Нешто лапами есть будешь? – усмехнулась Синюшка.

Я потянулась и вернулась в человеческий образ. Потянула затёкшие мышцы, сняла сапоги, шубейку, а мыша посадила на плечо.

Синюшка, тем временем, накрыла на стол. Пирог, каша, дымящаяся в чугушке, масло и варенье.

– Земляничное, – со значением сказала Синюшка. – Тюша больно уважает. Его поджидала, – вздохнула бабушка, – соскучилась. Чем занемог-то?

– Да, – я тянула время, не зная как сказать Синюшке о покушении, понятно было, что Тюша для неё друг сердечный, – поранился. – Неуклюже соврала я.

– Поранился? Не о багор ли поранился? – бабушка сердито упёрла руки в бока, и прищурившись посмотрела мне в глаза.

Глаза у неё, как тот колодец – бездонные. Меня потянуло, и я полетела словно в бездну.

– Нет, не о багор, – сухо сказала она. – А ты молодец, защищала Модераха, от Полоза. Измаялся он, Карл Фёдорович, на службе у пакостницы этой. Ты ешь, ешь, – она пододвинула мне полную миску каши и вручила пирог.

Я вцепилась зубами в рыбный пирог. Мышь у меня запищала и затопала лапками. Я опустила его на стол и отломала по-братски полпирога.

– Противная она, – сказала я, не прожевав. – Украла меня, и заселять предложила её долины.

– Конечно. Ты ей мешаешь. Чем блазила-то?

– Чем? Демонами. А она чем вам, ну то есть, нам мешает? Понятно, залезла на чужую территорию, – я, обжигаясь, торопливо глотала кашу. – Сидит в своей уральской Греции, никому не мешает.

– Не мешает, – усмехнулась не по-доброму Синюшка. – Только знаешь, что Стикс не придерживается своих берегов, направление меняет как вздумается. Течёт куда хочет. И когда хочет. Намедни вот ко мне притёк, – зло блеснула синими глазами бабушка. Разъел, водой своей кислотной все колодцы мои. Всё схронки мои испоганил!

– Кислотой? Он, что своей водой может камни разъедать?

– Всё! – Синюшка топнула в бешенстве ногой. – Всё, что угодно! От рыбы в реках одни головешки остаются, а потом в прах рассыпаются.

– Ой, – запоздало опять испугалась я, – а я то, как не сгорела в нём?

– Поэтому и бессмертная стала. Поэтому и справишься только ты с пакостью этой и сможешь.

– Да, – усмехнулась я, – где уж мне. Все мне рассказываете, бессмертная я и надежда на меня только. Я же девка, просто! – в испуге от навалившейся ответственности пискнула я. – Я ж не умею ничего выдающегося.

– Да, – хмыкнула Синюшка. – Все умеют кошками становиться и сквозь стены ходить. В Стиксе купаться и из царства мёртвых, словно с экскурсии возвращаться. Даже нам такой силы не дано, из-за Стикса воротиться. Я уж про Тюшу и Карла Фёдоровича не говорю.

– То есть, – я испугалась до холодного пота, – Карлу Фёдоровичу не вернуться из-за Стикса? Никак? Даже если, Стикс уберётся восвосяи? Он так и останется, там, за мостиком.

– Боюсь, и мостика не останется, – она помедлила немного, и тихо закончила. – И Карла Фёдоровича.

Путь

Так, в мрачном настроении, я и отправилась дальше. Как меня ни пугала перспектива отправиться до Салехарда, но путь шёл именно в ту сторону. Подробностей Синюшка не знала, скрытничал Тюша, но в те края наведывался часто.

– Ничо, ничо, девка, – на прощание Синюшка обняла меня, – справишься. На тебя одна надежда. Мышь тебя доведёт, – она погладила мышонка по голове. – Он умный, – в карман шубейки, Синюшка сыпнула горсть мелких камушков. – Пригодятся. Зови, ежели, чего.

Я привычно закинула Мыша на шею, и опустила на лапы. Он вёл меня по пещерам. Всё сейчас в моей жизни просто, я бежала пока были силы. Спала. Иногда мы с Мышом находили стоянки Тюши, где можно было поспать по-человечески и поесть. Путь у Тюши был наработан, и, видимо, часто им посещаем. На Тюшиных стоянках в маленьких пещерах были нары, с тюфяком, и припасы: вяленое мясо, сухари и вода. Никаких разносолов, но, поесть и покормить Мыша вполне достаточно.

Мы ни разу не вышли на поверхность. Пещеры были мало населены. Даже привидений и то было мало. Не то, что в Перми. Всё веселее, послушаешь разговоры, посмотришь на старинные костюмы. Поймёшь, о чём переживали люди, сто, двести и ещё бог знает, сколько лет назад. Почти ничего не изменилось. Что скажет начальство, соседка, или другой уважаемый человек? Где взять денег? Ну и про любовь, конечно, тоже переживали. А здесь – скукота. Впрочем, все силы уходили только на то, чтобы переставлять лапы, и не останавливаться.

Всё чаще стали попадаться странные стоянки, в таких же, как и у Тюши пещерах. Только пещеры были маленькие. Мне в облике кошки, там было вполне удобно. Но вот если б я захотела выспаться там, в человеческом виде – вряд ли поместилась. Странно, кто бы мог здесь останавливаться? Но стоянки были жилыми, их часто навещали, хранили вещи, продукты. В центре пещеры был построен большой очаг, на выдолбленных в стене углублениях хранилась медная посуда. У очага странные инструменты, щипцы, ковши, куски меди – походная мастерская. Маленькие люди, ростом с ребёнка, лет десяти. Может быть, это те, кого я ищу? Я спала, в этих маленьких пещерах, и бежала дальше, а Мышь подгонял меня, сидя на моём загривке.

Становилось всё холоднее. Я согревалась, только когда бежала. Интересно, где я уже нахожусь? Но спросить было не у кого, ни привидений, ни живых. Мелькали, иногда, какие-то тени, может быть, коридоры прошлого, как в пермских подземельях, но я видела лишь ускользающие тени.

Пить, приходилось из луж, и подземных ручьёв. Переходы и пещеры становились всё меньше, и в своём человеческом виде, мне было бы уже трудно перемещаться. Поэтому, когда я оказалась в громадной пещере, с высокими, словно в готическом соборе сводами, я удивилась. В куполе пещеры была круглая дыра, откуда поступал солнечный свет, придавая ещё большее сходство с готическим собором. По пещере пробегал мелкий ручей, огибая камни, делясь, он становился всё мельче, и Мышь мог бы спокойно перейти его вброд, не замочив своё брюшко. Но главным препятствием и украшением это зала был не ручей. По всей пещере, в живописном беспорядке, или в порядке, недоступном моему разумению, были нагромождены кости. Кости животных и людей. Причем некоторые кости, были... довольно свежими, ещё с кусками неразложившейся плоти. И запах стоял соответствующий. Но, в кошачьем виде, перенести его было несравненно легче. Я остановилась, над ручьём, раздумывая об этом могильнике. Или может быть, здесь проводились какие-то ритуалы, жертвоприношения?

На костях были навязаны яркие лоскутки ткани, лениво колыхавшиеся в свежем воздухе, изливавшимся, словно благодать из дыры в своде пещеры; бусинки, висевшие на костях, посверкивали своими полированными боками, и при движении воздуха постукивали по

костям, создавая странную музыку. Струи свежего воздуха и воздуха наполненного густым, плотным смрадом разложения не смешивались, а перетекали и перевивались, точно змеи.

Мышу, здесь не нравилось, и он отчаянно колотил меня лапками по голове. Я осторожно, стараясь не замочить лап, маневрировала между костями. Старые, выбеленные скелеты, лишившись поддержки в виде хрящей, давно рухнули на пол, смешавшись в одну кучу. Но более свежие, ещё держались и сохраняли свою форму, и мне не хотелось бы, случайно задев их, устроить погром. Кто знает, какое зло прячется среди этого храма смерти?

Я стояла на камне и размышляла, как мне перейти ручей и миновать ещё не рассыпавшийся скелет лошади. Передняя нога, с истёртым копытом преграждала мне путь. Когда-то это была северная маленькая и мохноногая лошадка, рыжеватой масти. Лоскутья шкуры ещё не истлели, в потоке воздуха колыхалась длинная шерсть. На рёбрах лениво покачивались розовые и блекло-синие тряпочки, и сверкала большая, полая медная бусина. Если попытаться перепрыгнуть, то возможно, что вся эта композиция рухнет мне на голову. Я приготовилась к прыжку, Мыш уцепился лапками за мою шерсть, и весь подобрался, точно тоже собрался прыгать.

Ещё не успев, оторваться в прыжке задними лапами от камня, я поняла, что не допрыгну. Внезапно жухлый ручеек вспенился чёрной водой, и камни стали плавиться прямо у меня под лапами. Ручей становился бурной рекой, в которую падали и плавились камни, кости, ленточки и бусины. Мыш истерично вопил у меня над ухом.

«Стикс»

Очень тихо прозвучал в моей голове Голос богов.

Время замедлилось. Я падала в чёрные воды Стикса.

И понимала, что у меня есть шанс спастись, но у Мыша, его нет. Стикс разъедает всё. От Мыша останутся одни головешки.

– Это мой Мыш! – зло прокричала я, и, извернувшись в падении, ухватила Мыша зубами, постаравшись закинуть его как можно дальше на сушу, где у него был мизерный шанс спастись.

Бросок получился слабый, и Мыш упал на бедро, точнее, на бедренные кости лошадиного скелета.

Я упала в черноту, и камнем пошла под воду.

Отчаянно работая лапами, я пыталась всплыть. Но меня тянуло вниз.

В воду сыпались кости, камни и с шипением плавались в чёрной воде.

С сильным всплеском упал громадный камень, размером с хороший автомобиль, и меня выкинуло наружу. Я, хватая ртом воздух, и отчаянно трясла головой, чтобы видеть, старалась найти Мыша. Он сосредоточенно карабкался по падающим костям, скользил и снова карабкался, но не сдавался. В отдалении на большом камне стоял тельхин, и наблюдал эту картину. Он улыбался, но был маленький, и слегка прозрачный.

«Не хватает силы-то у Ненавистой», – зло подумала я, и поплыла к Мышу. Тельхин, повернулся в мою сторону, и, казалось, был несколько разочарован моим присутствием над водой, и тем, что я его заметила. Он махнул рукой, и камни градом посыпались со стен. Теперь ничто не напоминало пещерный храм, куда мы с мышонком зашли не так давно. Это было бурлящее подземное озеро. Кислотное озеро, пожирившее всё вокруг.

Мыш скользил по костям, загубленной лошади, принесённой в жертву неизвестному кроваждному богу. Он пищал и старался удержаться, на скользкой выбеленной кости, которая рассыпалась у него под лапами. Мыш падал в чёрные воды Стикса. Я гребла лапами изо всех сил, но не успевала к нему.

Камни падали со всех сторон. Между мной и Мышем с громким бульком упал бульжник, размером с футбольный мяч. Я услышала довольное хихикинье тельхина, и погрузилась под воду. Мыша подбросило вверх. Всё. Конец мышонку.

Меня снова тянуло на дно. Перед глазами плавало довольное лицо улыбалось и манило меня к себе. Как в кино разворачивались заманчивые картины счастливой жизни у Ненавистной. Тельхины, склонившись в почтительном поклоне, выполняют мои желания. Прекрасный дом, много счастливых детей. Я, улыбающаяся, стою, прижавшись к мужу-тельхину.

Именно эта картинка придала мне силы барахтаться и выплывать на поверхность. Она меня наполнила гневом, что мой Мыш, с тёплым нежным брюшком, который доверчиво спал, уткнувшись носом в мои лапы, сейчас превратился в обугленный комок. Я выпустила когти и расцарапала это глянцевое счастье. И отплёвываясь, выплыла на поверхность.

Кислотное озеро было безмятежно. Тельхин, видимо истратив все силы, пропал. Кроме меня никого не было. Я отчаянно гребла лапами, осматривая гладь озера. Пусто. Пропали все скелеты, обрушились камни – всё расплавилось.

Вода стала убывать, так же внезапно, как и пришла. Я уже почувствовала лапами землю, но всё ещё крутилась вокруг себя, надеясь найти Мыша. Пусто. Я закрыла глаза и заплакала. Не знаю, умеют ли кошки плакать, но я плакала. Вода ушла совсем, я с отвращением отряхнулась и решила продолжить путь. Открыв глаза, я оглядела пустую пещеру, и увидела недалеко от себя истёртое копыто. Непонятно, каким образом оно уцелело, в кислотной воде Стикса. Я подошла и заглянула в него. Там лежал Мыш.

Встреча

Я осторожно потрогала Мыша, он тихо пискнул и открыл глаза. Живой! Подхватив Мыша, я побежала, быстрее из этого страшного места. Мыш не сопротивлялся, только тихо вздыхал. Надо найти место, где можно отлежаться и прийти в себя. В таком состоянии, ни Мыш, ни я не можем бежать. У меня тряслись от напряжения, и пережитого шока лапы, я осторожно двигалась по узкому проходу, старательно избегая любых водных преград, даже маленьких луж. Конечно, вряд ли Ненавистная сможет быстро собраться и устроить снова такое представление, но чем дальше я уйду, тем будет лучше.

Неизвестно, как далеко простирается её власть в подземном мире, но это представление повергло меня в ужас. Воевать с богами, то ещё удовольствие.

Я, шатаясь, тащила Мыша в зубах, до сухого места, где можно выспаться и прийти в себя. После такого купания у меня болело всё, что могло болеть. Я хромала на все лапы разом.

Через час я поняла, что дальше я идти не могу. Мыш, начал стонать, при каждом моём движении, ещё немного и я сама его уморю. Пещера стала просторнее, и появились отвороты. Пока я раздумывала в какую сторону мне без Мыша-навигатора, двинуться, увидела огонёк и услышала тихий мелодичный звук. Навстречу нам из правого поворота вышел малюсенький старичок с длинной белой бородой. Из бороды торчал нос-картошкой, и блестели бледно-голубые глаза. В белые пушистые волосы вплетены маленькие медные украшения, которые издавали этот звук. Издалека старичок был похож на громадный клочок ваты, из которого торчала сучковатая палка. Белый, пушистый и мягкий. Но во взгляде не было мягкости. Он остановился, пожевал губами и строго спросил:

– Звана пришла? – и тут же сам себе ответил. – Не звана. Вот и иди подобру-поздорову.

Интересно, это он со мной как с кошкой говорит? Может он кошек не жалует? Или как с человеком?

– С девкой, – сухо усмехнулся старичок.

Я осторожно положила Мыша на землю, села и почесала за ухом лапой. Интересно, попав в подземелья, я словно потеряла свои имя. Меня, в лучшем случае называют всё девкой. Одна Ненавистная проявила фантазию и называла меня – то Случайной, то Сварливой. На имя, конечно, не тянет, но всё же. Она-то тоже – Ненавистная. Так, может статься, что я и сама забуду своё имя.

– Ты переродилась, искупавшись в водах, – сварливо сказал недовольный клочок ваты. – Имя своё потеряла, а новое не заслужила.

– Отлично, – обиженно мяргнула я. – Все всё про меня знают. Первый попавшийся клочок ваты сообщает мне, что я не заслужила даже имени. Сам-то кто?

– Не твоёго ума дело, – надулся старичок.

– Ну, и иди тогда, – в тон ему ответила я. – Не мешайся.

Я осторожно взяла Мыша и решила обойти его. Он преградил мне путь палкой и сообщил:

– Гордая больно.

Не удостоив взгляда, я фыркнула и обошла его. Сердито глянула в спину старичку. Со спины он был похож на птицу, большую белую птицу. Словно на нём была шуба из белых перьев.

– В ножки ещё поклонисься, – не успокаивался ватный старичок.

Я бы с удовольствием поругалась с ним, чтобы выместить всю злость, накопившуюся на Ненавистную и все обстоятельства, которые испортили мне жизнь, в последнее время, но не хотелось тревожить Мыша. Поэтому я просто дёрнула независимо хвостом и пошла дальше. Где-то в сознании билась мысль, что я упустила свой шанс выспаться и поесть. И можно ещё

повернуться, и попросить прощения у ватного дедушки, может он и не такой противный, как показался вначале. Но я безжалостно задушила эту мысль и попыталась найти место, где можно просто отлежаться. Просто маленький закуток, чтобы свернуться клубком, спрятать Мыша внутри и выспаться. Пройдя ещё сто метров, я нашла уютную пещерку, сухую, без острых камней. И главное, поблизости нигде не было воды. Я успокоенно вздохнула, предвкушая сон. И услышала плач. Кто может плакать в пещерах, глубоко под землёй? Мне это показалось. Жалобные всхлипывания ребёнка. Нет, нет, мне это показалось. На сегодня приключений достаточно, мне нужен сон. Я осторожно опустила Мыша на каменистый пол пещеры. Судорожные вздохи, переходящие в плач. За что мне это!

– Ты лежи, – сказала я, ткнув носом Мыша, – я быстро. Только посмотрю, пойму, что мне это кажется и приду.

Мыш тихо вздохнул и закрыл глаза. Я помчалась на всхлипывания, которые звучали всё громче и отчётливее. Совершенно лишая меня надежды, на то, что это мне показалось.

За поворотом я увидела маленького мальчика. Он сидел на земле, скорчившись, и плакал. Размазывал слёзы и грязь по щекам. Несчастный и бесконечно одинокий. Но, я как учёная кошка, огляделась вокруг. Слёзы – это была единственная вода в этой пещере. Значит, есть надежда, что это не проделки Ненавистой.

Я осторожно подошла к ребёнку.

– Киса, – удивлённо прошептал он.

Мальчик лет восьми, худенький и плохо одетый. С вьющимися тёмно-русскими волосами, и веснушками на курносом носу.

– Я провалился, киса, – обречённо прошептал он. – Ты здесь живёшь? – всхлипнул он.

Я успокаивающе замурчала и потёрлась о его ногу. Думаю, разговаривать с ним в виде кошки, не стоит. Это может испугать ребёнка.

– Киса, – он осторожно погладил меня, и, почувствовав живое тепло, снова заплакал. – Я потерялся.

Я запрыгнула к нему на колени, и потёрлась мордой о щеку.

– Ты щекотная! – рассмеялся он.

Но в голубых глазах стояли слёзы. Он прижался ко мне, слушая, как у меня внутри мурчит.

– Я так хочу к маме, – снова всхлипнул он.

Всё понятно, сна не будет. Я обречённо вздохнула, спрыгнула с его колен и пошла за Мышом.

– Не бросай меня, киса! – зарыдал мальчик.

Заставлять плакать ребёнка, уходя от него, это жестоко. Но превращаться из кошки в человека, у него на глазах – не лучшая идея. Я вернула свой человеческий облик, добежала до Мыша, осторожно устроила его в кармане шубейки. Мыш спал, и только дёрнул усиками на моё прикосновение.

Подходя к месту, где я оставила мальчика, я прислушивалась. Он рыдал так безутешно, лишившись единственного живого существа, что я обозвала себя самыми страшными словами, за это.

– Эгей! Кто там плачет? – крикнула я.

– Я... – испугавшись, прошептал мальчик.

– Кто я? – слишком жизнерадостно спросила я, подходя к мальчику. – Как ты здесь оказался?

– Я... я потерялся! – он разревелся ещё больше.

– Ну, всё, всё, не плачь! – я присела рядом с ним, и стала гладить его по голове. – Я тебя нашла.

– Ты не уйдёшь? – он с надеждой посмотрел на меня.

Большие глаза и нос с конопушками, распухший от слёз. Маленький несчастный ребёнок. Как он мог потеряться здесь в пещерах? Возможно, наверху и есть какие-то поселения, я ведь даже не представляю, где географически нахожусь!

– Нет! Я не уйду, – как можно надёжнее ответила я. – Как ты оказался в пещерах?

– Я упал, – всхлипнул он, и взял для надёжности меня за руку.

– Значит, где-то есть люди? Деревня? Или город?

– Не знаю, – он судорожно вздохнул. – Я давно здесь брожу. Я играл с ребятами в прятки.

И провалился под землю. А вылезти не смог, – глаза снова наполнились слезами.

– Не плачь! – я сжала его ладошку. – Мы найдём выход. И людей.

– И маму? – он так посмотрел на меня, что мне тоже захотелось заплакать.

– И маму, – я твёрдо посмотрела ему в глаза. – Пошли искать выход. Ты откуда пришёл?

Он махнул рукой в темноту. Мы проблуждали по темноте очень долго. Можно было бы сказать – полдня, но я уже не понимала, как сменяются сутки. И ещё я поняла, что кошкой ходить гораздо удобнее. И как мне показалось, кошкой я лучше понимала куда идти, и находила где поспать и что поесть. Да и видно лучше, и быстрее, и безопаснее. Став девкой, я всё время стучалась головой о выступающие камни. Пока мы бродили, мальчик не опускал мою руку. Ладошка была горячая и потная. Он, захлёбываясь, рассказывал мне, всё, что приходило в голову. Намолчался. Зовут его Сашка, в честь деда, и живёт он в деревне, вдвоём с мамой. Мама работает фельдшером. У них есть собака и кошка. Сейчас хорошо, зима, в деревне много людей и оленей. И у него много друзей. А летом, хорошо, но скучно, потому что все друзья уходят с родителями на летние стойбища оленей. Из всего этого я поняла, что нахожусь где-то в тундре. И это меня испугало. Я так далеко от дома! Сколько я уже скитаюсь по этим подземельям? Я почувствовала себя такой же маленькой, потерявшейся и испуганной. И мне тоже захотелось плакать и уцепиться за чью-нибудь руку. И очень надеяться, что меня выведут к дому. Но мне такое не светит. Некому взять меня за руку. Тюша далеко, да и жив ли он? И Модерах, тоже далеко, и тоже неизвестно, жив ли? После того как я сбежала, как поступила с ним Ненавистная? От таких грустных мыслей я шмыгнула носом.

– Ты что, – тут же встревожился Саша, – плачешь?

– Нет, – соврала я, – это насморк.

Я почувствовала, что неимоверно устала.

– А сколько времени ты уже здесь? – Я посмотрела на него, на лице остались одни глаза, и яркие веснушки на болезненно-бледном, лице.

– Не знаю, – он обречённо пожал плечиками. – Я спал уже два раза.

– Значит, два дня, – вздохнула я. – Завтра будет третий. Надо нам отдохнуть. У нас был с тобой тяжёлый день.

– Да, – согласился Саша.

– Надо бы и поесть, но нечего.

Странное ощущение, словно я потеряла все свои способности. Стала обычным человеком. Я точно чувствую, что мы ходим кругами по пещерам, плутаем. Или этот я сбилась с дороги? Или это ватный дед, мне дорогу заговорил? И Голос богов пропал... Ладно, я подумаю об этом завтра. Надо выспаться.

Мы устроились между высоких камней, предварительно проверив, что рядом отсутствуют любые источники воды.

– Ты боишься воду? – удивился Саша.

– Ну, – протянула я, – она такая ненадёжная. Лучше спать в сухом месте, правда?

Перед сном я проверила Мыша. Он сопел и иногда тяжело вздыхал во сне.

– Это твой мышонок? – Саша осторожно, одним пальчиком погладил его по серому боку.

– Да, у тебя кошка и собака – у меня мышь, – сказала я, и тоже погладила Мыша.

– Хорошо, что ты не одна, – успокоено сказала Саша, повернулся ко мне спиной и заснул.

Я стянула свитер, сделала гнездо и положила Мыша. Погладила его, прикрыла для тепла рукавом, мысленно пожелав спокойной ночи, и сразу провалилась в сон.

Саша

Спалось мне плохо. Всю ночь мне снилась Ненавистная. Во сне она манила меня пальчиком, показывала разные соблазнительные вещи – мягкую кровать, полный стол еды и услужливых тельхинов, делающих мне массаж. Устав меня соблазнять, она рассердилась и стала мучить Модераха. Когда по его щекам полились слёзы, я в ужасе проснулась.

Было тихо. Саша сопел, прижавшись ко мне. Его не мучили кошмары, тельхины и Ненавистная, он улыбался во сне.

Я повернулась посмотреть, как там мой Мыш. Приоткрыв рукав, я погладила Мыша по носу.

Мыш был холодный. Он умер, пока я спала.

Я взяла Мыша на руки. Его голова безвольно повисла, он был ледяной. Я попыталась согреть его своим дыханием, но понимала, что это всё бесполезно. Просто я не хотела смириться с фактом смерти моего Мыша.

Это всё мерзкая Ненавистная, она уморила его своим потопом! Меня наполнил гнев, бешенство, такой силы, что я бы голыми руками убила всех её тельхинов и её саму, за эту загубленную маленькую мышиную жизнь.

Я всхлипнула, не решаясь заплакать.

– Ты плачешь? – тут же испуганно спросил меня Саша.

– Мышонок умер, – тихо сказала я.

– Наверное, он простудился, – Саша погладил меня по голове. – Когда мы выберемся, я подарю тебе котёнка! Знаешь, я вчера видел здесь такую красивую кошку! Она мне мурчала и щекотила усами.

– Да, знаю, – вздохнула я. – Сейчас я сложу ему из камней домик и мы пойдём искать выход.

– Ты хорошая, – Саша обнял меня и поцеловал в мокрую щеку.

Да, я хорошая. Но Ненавистной отомщу. Ещё не знаю как, но я это сделаю.

Я положила Мыша, выстроив над ним холмик из камней. Смерть беспомощного существа бьёт всегда сильнее.

– Пойдём, – я взяла Сашу за руку, – сегодня мы точно выберемся наружу.

Мы шли наугад. Я лишилась своего мышиного навигатора, и всех своих способностей, я могла просто идти. Мы шли по пещерам, иногда ползли. Отдыхали и снова шли. Я всё время старалась держать Сашу за руку, потому что, если он переставал чувствовать меня, у него начиналась истерика. Чтобы отвлечь от грустных мыслей, мы постоянно спрашивали друг друга о жизни. Я спрашивала о друзьях, оленях и о кошке с собакой. Про маму старалась не говорить, он начинал плакать.

А Саша спрашивал меня – кем я работаю, как я попала сюда, и как меня зовут. Я рассказывала про свою скучную работу, про город Пермь, как я его люблю, какой он большой и красивый. Историю, как я попала в пещеры, я основательно подкорректировала. Войны богов, не для детских ушей.

А вот как меня зовут... я не смогла вспомнить.

– Не страшно! – обрадовался Саша. – Ты можешь взять любое имя, о котором мечтала с детства!

– Да, – согласилась я, – только я не помню, о каких именах я мечтала.

– Тогда выбирай! – Саша стал перечислять имена. – Оля? Рита? Наташа?

Я примеряла каждое имя на себя, но чувствовала, что они совершенно чужие и отрицательно мотала головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.